

Пять ночей у Фредди. Четвёртый шкаф

Автор:

[Скотт Брид-Райсли](#)

Пять ночей у Фредди. Четвёртый шкаф

Скотт Коутон

Кира Брид-Райсли

Пять ночей у Фредди / Five Nights at Freddy's #3

Что случилось с Чарли? Этот вопрос продолжает мучить Джона. Его преследуют ночные кошмары, в которых его девушка умирает в костюме аниматроника. Он хочет забыть трагедию, произошедшую в пиццерии «Фредди Фазбера»... Как-то бессонной ночью, бродя по городу, он встречает старую подругу Джессику, которая приглашает его на встречу друзей и умоляет поговорить с Чарли, которая очень страдает из-за его холодности. Вот только Джон абсолютно уверен, что его Чарли умерла...

«Five Nights at Freddy's» – культовая компьютерная игра в жанре хоррор, которая стала одной из самых популярных игр в своем жанре, а также удостоилась высоких оценок критиков за уникальный подход.

Роман расширяет вселенную «Five Nights at Freddy's», позволяя читателю не только проникнуться духом игры, но и узнать предысторию.

Скотт Коутон, Кира Брид-Райсли

Пять ночей у Фредди. Четвёртый шкаф

Глава первая

– Чарли! – проорал Джон, задыхаясь от поднявшейся пыли и продираясь через развалины к месту, где она была перед взрывом. Обломки поехали у него под ногами, он споткнулся о кусок бетона и едва удержался, судорожно хватаясь за острые края и до крови обдирая руки. Добравшись до нужного места, где чувствовалось ее присутствие внизу, он взялся за огромный бетонный блок и приподнял его, напрягая все силы. Выдвинутый из кучи, брусок наклонился, перевернулся и упал с оглушительным грохотом, сотрясая землю под ногами. Над головой заскрипела и опасно закачалась стальная балка.

– Чарли! – Джон снова прокричал ее имя, отодвигая еще один бетонный блок, – Чарли, я иду! Он хватал ртом воздух, на адреналине отталкивая обломки с отчаянной силой, только адреналин уже кончался. Джон стиснул зубы и напрягся. Он попытался поднять следующий блок, но ладони соскользнули, и, посмотрев на них, он понял, что руки оставляют следы крови на всем, к чему прикасаются. Все было как в тумане. Он вытер ладони о джинсы и попытался снова. На этот раз кусок бетона поддался, он удержал его на бедрах, оттащил на три шага и бросил в груды обломков. Он рухнул, расколов другие блоки и стекло, запустив цепную реакцию, а потом, откуда-то из-под обломков, он услышал ее шепот:

– ...Джон...

– ...Чарли... – с замершим сердцем прошептал он в ответ, и руины снова сдвинулись под ногами. На этот раз он упал и больно ударился спиной, из груди вышибло воздух. Он пытался вдохнуть, но легкие отказывались работать, а потом с трудом, но все же задышал. Он сел и словно в пелене увидел картину, которая открылась перед ним после обвала. Это была секретная комнатка в доме, где жила в детстве Чарли. Перед ним возникла пустая и гладкая металлическая стена. В центре виднелась дверь.

Это был только контур, без петель и ручки, но он догадался, что Чарли поняла это еще раньше – когда остановилась в разгар бегства и прижалась щекой к

поверхности, позвав кого-то или что-то внутри.

– ...Джон... – она снова прошептала его имя, и ее голос, казалось, звучал отовсюду, отражаясь от стен комнаты. Джон поднялся и прикоснулся ладонями к двери; на ощупь она была прохладной. Он прижался к ней щекой, прямо как Чарли, и поверхность стала еще холоднее, будто вытягивала из него тепло. Джон отпрянул и потер холодную щеку, глядя на дверь. Блестящий металл на глазах потускнел и побледнел, а потом сама дверь начала истончаться и терять плотность, пока не превратилась в подобие заиндевевшего стекла. Джон увидел за ним тень, фигуру человека. Она приближалась, а дверь стала настолько прозрачной, что сквозь нее было видно почти всё, что происходит на той стороне. Он подошел ближе, повторяя движения фигуры за стеклом. Ее лицо было гладким и блестящим, с глазами, вылепленными точно у статуи, но не видящими. Джон всматривался в стекло, от его теплого дыхания оно запотело, затуманив почти прозрачный барьер. Вдруг глаза открылись.

Фигура спокойно стояла перед ним, глядя в пустоту. Глаза были мутными и неподвижными. Мертвыми. Кто-то засмеялся, и дикий безрадостный звук заполнил маленькую изолированную комнату. Джон испуганно озирался по сторонам в поисках источника отвратительного хохота. Вопли звучали все пронзительнее, все громче и громче. Когда резкий звук стал совсем невыносимым, Джон закрыл уши ладонями и закричал:

– ЧАРЛИ!

Джон вздрогнул и проснулся. Сердце стучало, смех не прекращался, следуя за ним по пятам из сна. Сбитый с толку, он быстро оглядел комнату и включил телевизор. Экран заполнило разрисованное лицо клоуна, искаженное конвульсией смеха. Джон сел и потер щеку в месте, на котором отпечатались следы часов. Он посмотрел на циферблат и выдохнул с облегчением – как раз хватит времени доехать до работы. Откинулся назад, перевел дыхание. На экране телевизора ведущий местной телестанции направил микрофон на человека, одетого как цирковой клоун – с гримом на лице, красным носом и париком всех цветов радуги. Воротник на его шее напоминал о ренессансных портретах. На нем был клоунский костюм желтого цвета с красными помпонами вместо пуговиц.

– Скажите, – бодро спросил ведущий. – У вас уже был этот костюм или вы специально сшили его к церемонии открытия?

Джон выключил телевизор и пошел в душ.

Несмотря на то, что он работал в этом шуме весь день, легче не становилось: гул и лязг перемежался криками и грохотом отбойных молотков, от которых дрожала земля. Джон закрыл глаза, пытаясь отстраниться: вибрации резонировали в его груди, заполняя тело, и среди всего этого шума вдруг зазвенел отчаянный смех. Фигура из сна снова явилась ему, маяча немного за пределами поля зрения, и казалось, если повернуть голову в нужную сторону, он разглядит лицо за дверью...

– Джон!

Джон обернулся: Луис стоял в шаге от него и смотрел на него с недоумением.

– Я уже три раза тебя позвал, – сказал он.

Джон пожал плечами и обвел рукой беспорядок вокруг.

– Слушай, парни хотят пойти выпить после работы. Ты с нами? – спросил Луис.

Джон помялся.

– Соглашайся! Тебе на пользу пойдет – ты только работаешь и спишь.

Он добродушно хохотнул и хлопнул Джона по плечу.

– Ага, на пользу, – Джон улыбнулся, опустил голову, и улыбка сползла с его лица. – Просто у меня сейчас полный завал.

Он постарался, чтобы это прозвучало убедительно.

– Ну да, полный завал. Скажи, если передумаешь.

Луис снова хлопнул Джона по плечу и направился назад к погрузчику. Джон посмотрел ему вслед. Он отказывал коллегам уже не в первый раз, и даже не во второй и не в третий. Наверное, в конце концов они прекратят попытки – сдадутся рано или поздно. Может, это и к лучшему.

– Джон! – позвал другой голос.

Что еще?

Это был прораб, который окрикнул его из дверей конторы – трейлера, привезенного на время стройки и кое-как установленного на земляной насыпи.

Джон пробрался сквозь стройплощадку и нырнул за виниловую занавеску в дверь трейлера. Минутой позже он оказался перед складным столиком напротив прораба. Стены внутри трейлера были отделаны пластиковой обшивкой, имитирующей дерево, которая едва держалась.

– Ребята мне тут говорили, что ты какой-то рассеянный.

– Я сосредоточен на работе, вот и все, – сказал Джон, выдавливая улыбку и стараясь сдержать нарастающее раздражение.

Оливер неубедительно улыбнулся в ответ.

– Сосредоточен, – повторил Оливер.

От удивления Джон перестал улыбаться.

– Слушай, я дал тебе шанс, потому что твой кузен сказал, что ты трудолюбивый. Ты самовольно ушел с предыдущей работы и не вернулся. Я закрыл на это глаза. Ты понимаешь, что я рисковал из-за тебя?

Джон сглотнул.

– Да, сэр, я знаю.

- Прекрати называть меня «сэром». Лучше послушай меня.

- Но я делаю, что мне говорят. Не понимаю, в чем проблема.

- Ты медленно реагируешь и витаешь в облаках. Ты не работаешь в команде.

- Что?

- Это зона активного строительства. Если мечтать на ходу или не думать о безопасности других, кто-нибудь получит травму или погибнет. Я не говорю, что вы должны делиться секретами и проводить вместе выходные. Но надо работать в команде. Ребята должны знать, что в нужный момент ты не подведешь.

Джон понимающе кивнул.

- Это хорошая работа, Джон. И думаю, парни тут работают хорошие. Сейчас с рабочими местами не очень, и мне нужно, чтобы ты включил мозг. Если еще раз увижу, что ты где-то витаешь... в общем, не ставь меня в неловкое положение. Тебе ясно?

Джон стоял на вытертом коричневом ковре передвижного офиса, как нашаливший школьник в кабинете директора.

- Ладно. Иди.

Джон вышел. Головомойка пришлась на последние минуты рабочего дня. Он помог Сергею убрать кое-какое оборудование и направился к машине, небрежно попрощавшись.

- Эй! - окликнул Сергей. - Последний шанс!

- Я... - Джон прервался, краем глаза приметив начальника. - Может, в следующий раз.

Но Сергей продолжал настаивать:

– Ну давай же, мне нужна отговорка, чтобы не ходить в заведение к новому парню. Дочка всю неделю туда просится. Люси ее отведет, а мне от роботов не по себе.

Джон остановился, мир вокруг замер.

– В какое еще заведение?

– Так ты идешь? – снова спросил Сергей.

Джон попятился, будто подошел слишком близко к краю пропасти.

– Может, в другой раз, – ответил он и решительно направился к машине.

Машина была старая, коричневатого-красного цвета и сошла бы за крутую для старшеклассника. Теперь же она напоминала, что Джон остался подростком, который так и не повзрослел. Меньше чем за год она превратилась из статусной в повод для стыда. Он плюхнулся на сиденье, подняв клубы пыли. Руки дрожали.

– Соберись.

Он закрыл глаза и схватился за руль, стараясь унять дрожь.

– Теперь это твоя жизнь, и ты с ней справишься, – прошептал он, а потом закрыл глаза и вздохнул. – Звучит как занудство в духе моего отца.

Он завел машину.

Обычно путь до дома занимал десять минут, но он выбрал дорогу, которая займет целых полчаса, словно не желая ехать через город. Так не было риска встретить людей, с которыми не хотелось разговаривать. Работай в команде. Даже разозлиться на Оливера не получалось. Джон действительно больше не мог работать в команде. Почти полгода он шел из дома на работу и обратно, как поезд по расписанию. Иногда заходил за продуктами, и на этом все. Говорил только при необходимости, старался не смотреть в глаза. Вздрагивал, когда с ним заводили беседу и, если приветствовали коллеги, даже когда незнакомец спрашивал, который час. Он не уходил от разговора, но все лучше осваивал

умение говорить, одновременно удаляясь от собеседника. Он был неизменно вежлив, но всегда четко показывал, что ему срочно нужно в другое место. При необходимости просто разворачивался в противоположном направлении. Иногда он чувствовал, что будто бы тает в воздухе, и когда его замечали, это досаждало и расстраивало.

Джон припарковался у многоквартирного дома – двухэтажного здания, по идее не рассчитанного на постоянных жильцов. В окне у администратора горел свет. Он месяц пытался вычислить часы ее работы, но в итоге пришел к выводу, что четкого графика нет.

Джон взял из бардачка конверт и направился к двери. Он постучал, но ему не ответили, хотя, судя по звукам, внутри кто-то был. Тогда он постучал снова, и на этот раз дверь приоткрылась. Пожилая женщина с кожей многолетней курильщицы уставилась на Джона.

– Привет, Делия, – он улыбнулся, но не удостоился ответной улыбки. – Плата за квартиру.

Джон протянул ей конверт.

– Знаю, что опоздал. Вчера заходил, но никого не было.

– В рабочее время?

Делия открыла конверт и стала внимательно разглядывать его содержимое, словно боялась подвоха.

– Свет не горел, так что...

– Значит, время было не рабочее.

Делия обнажила зубы, что мало походило на улыбку.

– Я смотрю, вы завели растение, – резко сказала она.

- О да, - Джон обернулся и бросил взгляд в сторону квартиры, как будто мог увидеть ее с места, где они стояли. - Приятно за чем-нибудь поухаживать, правда?

Джон снова попытался улыбнуться, но быстро осекся. Его словно засасывал вакуум неодобрения, не оставлявший шансов на непринужденность.

- Это же разрешается, правда? Заводить комнатные растения?

- Да, вы можете держать растения.

Делия сделала шаг назад, явно собираясь закрыть дверь.

- Но обычно люди здесь не задерживаются, вот что. Сначала заводят дом, потом жену, и потом уж растение.

- Ну да.

Джон посмотрел на свои ботинки.

- Просто год выдался... - начал он, но дверь с лязгом закрылась, - трудный.

Джон немного постоял, глядя на дверь, и направился в квартиру на первом этаже в передней части комплекса, где теперь мог жить еще месяц. Это была двухкомнатная квартира с полноценной ванной и кухонным уголком. Уходя, он оставлял жалюзи поднятыми, чтобы показать отсутствие ценных вещей: в районе часто бывали квартирные кражи, и стоило подчеркнуть, что красть у него нечего.

Оказавшись внутри, Джон закрыл за собой дверь и осторожно вернул цепочки на место. В квартире было прохладно, темно и тихо. Он вздохнул и потер виски; головная боль не отступала, но уже стала привычной.

Мебели было мало - квартира сдавалась в таком виде. Индивидуальности гостиной придавали только четыре картонные коробки с книгами, составленные у стены под окном. Джон разочарованно оглядел знакомую картину. Вернулся в спальню, сел на кровать. Заскрипели жесткие пружины. Он не потрудился

включить лампу – через маленькое грязноватое окно над кроватью проникало достаточно света.

Джон посмотрел на комод и встретил знакомый взгляд. На него смотрела голова игрушечного кролика, чье тело навсегда потерялось.

– Что ты сегодня делал? – спросил Джон, глядя ему в глаза, будто он мог узнать его.

Но взгляд темных глаз Теодора был пустым и безжизненным.

– Выглядишь ужасно, хуже моего.

Джон встал и подошел к плюшевой голове. Запах нафталина и грязных тряпок нельзя было не почувствовать, и Джон перестал улыбаться. Он поднял голову за уши. «Пора тебя выбросить». Такой порыв возникал у него почти каждый день. Джон сжал зубы, осторожно положил кроличью голову на комод и отвернулся, чтобы больше ее не видеть.

Джон закрыл глаза, не ожидая погрузиться в сон, но надеясь на это. Ни прошлой, ни позапрошлой ночью выспаться не удалось. Он стал бояться ложиться спать – откладывал этот момент, сколько мог, до поздней ночи ходил по дороге, отмеряя километры, возвращался домой и пытался читать или просто пялился в стену. Знакомые ощущения будили острую досаду. Он схватил подушку и перешел в гостиную. Лег на диван, перекинув ноги через подлокотник, чтобы поместиться. Тишина в квартирке звенела у него в ушах. Он поднял с пола пульт и включил телевизор. Появилась черно-белая картинка. Из-за крайне плохого сигнала он едва мог различить лица, но голоса – вероятно, участников ток-шоу, – были бодрыми и жизнерадостными. Он сделал потише, снова устроился на диване, глядя в потолок и вполуха слушая телевизионные голоса, и стал постепенно погружаться в сон.

Он видел только ее руку, безжизненно свисавшую из покореженного металлического костюма. Кровь стекала по коже красными ручейками и собиралась в лужу на полу. Чарли была совсем одна. Прислушавшись, он мог снова уловить ее голос: «Не отпускай! Джон!» Она звала меня по имени. А потом эта штука... Он содрогнулся, снова услышав хруст и скрежет аниматронного костюма. Джон смотрел на повисшую руку Чарли, как будто мир вокруг исчез, и,

пока шум эхом отдавался в голове, ум выдавал непрошенные мысли: это хруст ее костей. А это рвется все остальное.

Джон вздрогнул и открыл глаза. В паре метров смеялась аудитория в студии. Он посмотрел на экран. Помехи и болтовня вернули его в состояние бодрствования.

Он сел, покрутил затекшей шеей. Диван был слишком маленький, и спину скрючило. Голова болела, Джон чувствовал себя усталым, но возбужденным, потому что адреналин еще курсировал в крови. Он вышел из квартиры, с силой закрыл за собой дверь и вдохнул ночной воздух.

Он пошел по дороге, направляясь в городок, в любое заведение, которое еще могло быть открыто. Фонари стояли далеко друг от друга, и тротуара не было – только узкая грунтовая обочина. Мимо проехало несколько машин, появляясь из-за угла или взлетая на холм. Они слепили фарами и проносились мимо с такой скоростью, что казалось, собьют с ног. Джон заметил, что идет все ближе к дороге, как будто нехотя испытывая судьбу. Когда он заходил слишком далеко, то решительно возвращался на обочину, и это неизменно вызывало у него прилив тайного разочарования в себе.

Когда он добрался до города, чьи-то фары снова пронзили темноту, и он прикрыл глаза, отходя с дороги. На этот раз машина замедлилась и вдруг остановилась. Джон развернулся и сделал к ней несколько шагов, а водитель опустил стекло.

– Джон? – позвал его кто-то.

Машина сдала назад и небрежно припарковалась на обочине. Джон отпрянул с дороги. Из салона вышла женщина и быстро подошла к нему, будто желая обнять, но он стоял как парализованный, держа руки по швам, и она остановилась в паре метров от него.

– Джон, это я! – сказала Джессика с улыбкой, которая быстро померкла. – Что ты здесь делаешь? – спросила она.

На Джессике был топ с короткими рукавами, и она принялась потирать предплечья, ежась от прохлады ночного воздуха и глядя по сторонам на почти пустынную дорогу.

– То же самое можно спросить у тебя, – ответил он, как будто его в чем-то обвинили.

Джессика указала Джону за плечо.

– Заправиться поехала.

Она радостно улыбнулась, и он не смог не улыбнуться в ответ. Он уже почти забыл эту ее способность включать радостную доброжелательность, словно кран с водой, и разбрызгивать ее на окружающих.

– Как ты? – осторожно спросила она.

– Нормально. Работаю в основном, – он жестом показал на пыльную рабочую одежду, которую не потрудился сменить. – А у тебя что нового? – спросил он, вдруг осознавая абсурдность этого разговора на фоне проносящихся мимо машин. – Мне правда надо идти. Доброй ночи.

Он повернулся и зашагал по дороге, не давая ей шанса ответить.

– Мне тебя не хватает, – крикнула Джессика, – и ей тоже.

Джон остановился и ковырнул землю носком ботинка.

– Послушай, – Джессика быстро нагнала его, – Карлтон будет в городе пару недель, приедет на весенние каникулы. Мы устраиваем общий сбор.

Она подождала реакции, но Джон не ответил.

– Он жаждет продемонстрировать свой космополитичный образ, – весело сказала она. – На прошлой неделе мы говорили по телефону, и он изображал бруклинский акцент, чтобы проверить, замечу ли я.

Она выдавила смешок. Джон слабо улыбнулся.

- Кто еще будет? – спросил он, глядя ей прямо в глаза в первый раз с того момента, когда она вышла из машины. Джессика прищурилась.

- Джон, рано или поздно тебе придется с ней поговорить.

- Это почему еще? – грубо бросил он и снова зашагал по дороге.

- Джон, подожди!

Он услышал, как она побежала. Быстро поравнявшись с ним, она перешла на трусцу, подстроившись под его темп.

- Я так весь день могу, – предупредила она, но Джон не ответил. – Тебе надо поговорить с ней, – повторила Джессика.

Он выразительно посмотрел на нее.

- Чарли мертва, – сказал он резко.

Слова царапали горло. Он давно не произносил их вслух. Джессика остановилась как вкопанная, он продолжал идти.

- Джон, по крайней мере, поговори со мной.

Он не ответил.

- Ты делаешь ей больно, – добавила она.

Джон остановился.

- Ты не понимаешь, как это на нее действует? После всего пережитого? Это безумие, Джон. Не знаю, как та ночь отразилась на тебе, но знаю, как на ней. И поверь, больше всего она страдает от того, что ты с ней не разговариваешь. И называешь ее мертвой.

- Я видел, как она умерла.

Джон посмотрел вдаль на огни города.

- Нет, не видел, - сказала Джессика и помедлила. - Слушай, я за тебя переживаю.

- Я просто растерян, - Джон перевел на нее взгляд. - После всего, что случилось со мной... случилось с нами, это вполне нормальная реакция.

Он подождал, пока Джессика заговорит, и снова отвел глаза.

- Понимаю. Правда понимаю. Я тоже думала, что она умерла.

Джон хотел было ответить, но она с напором продолжила:

- Я думала, что она умерла, но потом она появилась живая.

Джессика потянула Джона за плечо, чтобы тот снова посмотрел ей в глаза.

- Я ее видела, - сказала она срывающимся голосом. - Я с ней говорила. Это правда она. А то, что произошло с тобой...

Она отпустила плечо и обвела его рукой, словно наводя заклинание.

- Вот что ее убивает. Твое поведение.

- Это не она, - прошептал Джон.

- Ладно, - взорвалась Джессика, повернулась к нему спиной и пошла к машине.

Через пару минут она выехала на дорогу и со скрипом развернулась на 180 градусов. Джон не двигался. Машина с ревом пронеслась мимо и резко остановилась, завизжали тормоза. Джессика сдала назад до места, где он стоял.

- Мы собираемся у Клэя дома в субботу, - устало сказала она. - Пожалуйста.

Она не плакала, но глаза влажно блестели, лицо покраснело. Он кивнул.

– Может быть.

– Уже неплохо. Увидимся там! – сказала Джессика напоследок и уехала, взорвав ревом двигателя ночную тишину.

– Я сказал – может быть, – пробормотал Джон в темноту.

Глава вторая

Человек за столом аккуратно заполнял бланк, скрипя карандашом по бумаге. Вдруг он остановился, охваченный внезапным приступом тошноты. Буквы стали расплываться, голова закружилась. Он поправил очки, но это не помогло. Тогда он снял их и потер глаза руками. Потом, так же внезапно, ощущение ушло: комната вернула прежние очертания и слова на странице стали абсолютно четкими. Он сконфуженно почесал подбородок и снова стал с нажимом писать.

– Да, сэр? – гаркнул он, не поднимая взгляда.

– Я хотела осмотреть свалку, – тихо отозвался женский голос.

– О, простите, мэм, – мужчина поднял взгляд, бегло улыбнулся и вернулся к бланку, продолжая писать и говорить одновременно. – Лом идет по пятьдесят центов за фунт. Если найдете определенную деталь, наверное, выйдет больше, но это мы увидим, когда вы вернетесь. Осмотритесь пока. Инструменты приносите свои, но мы можем помочь с погрузкой, когда будете уезжать.

– Я ищу кое-что конкретное, – женщина вгляделась в него сверху, читая бирку с именем, – Боб, – добавила она с опозданием.

– Не знаю даже, что вам сказать.

Он положил карандаш, откинулся на спинку стула и сцепил руки за головой.

– Это помойка, – заключил он со смехом. – Мы пытаемся хотя бы разделять автомобильный лом и жестяные банки, но что есть, то есть.

– Боб, вы получили несколько грузовиков металлолома в этот день и из этого места, – женщина положила клочок бумаги на бланк, который заполнял Боб.

Он взял бумажку, поправил очки и посмотрел на нее поверх оправы.

– Ну повторюсь, это помойка, – сказал он медленно, начиная испытывать все нарастающее беспокойство. – Может, я смогу показать вам, где лучше искать. Понимаете, каталога у нас нет.

Женщина обошла стол, встала позади кресла Боба, и он нервно выпрямился.

– Я слышала, у вас тут вчера вечером были проблемы.

– Никаких проблем, – Боб нахмурился. – Какие-то ребята сюда залезли. Такое случается.

– Мне рассказывали другое.

Женщина изучила фотографию на стене.

– Ваши дочери? – как бы между делом спросила она.

– Да, два года и пять лет.

– Красавицы.

Она помолчала.

– Вы их не обижаете?

Боб был огорошен.

– Конечно нет, – сказал он, стараясь скрыть негодование.

Последовала долгая пауза; женщина склонила голову набок, продолжая рассматривать фотографию.

– Я слышала, вы звонили в полицию, потому что подумали, что кто-то застрял в куче металлолома, – сказала она.

Боб не ответил.

– Я слышала, – продолжила женщина, склоняясь к фотографии, – что вам показалось, будто кто-то кричит в темноте, кто-то попал в беду и паникует. Кто-то не мог выбраться – вам показалось, это был ребенок. Может быть, несколько детей.

– Слушайте, у нас честный бизнес и хорошая репутация.

– Я не ставлю под сомнение вашу репутацию. Напротив, я думаю, что вы поступили благородно. Бросились на помощь посреди ночи, побежали прямо через свалку, порезали ноги о покореженный металл.

– Откуда вы...

У Боба задрожал голос, и он замолчал. Переместил ноги под стол, надеясь скрыть утолщения от бинтов, явно заметные под обеими штанинами.

– Что вы нашли? – спросила женщина.

Он не ответил.

– Что там было? – настаивала она. – Когда вы встали на четвереньки и проползли между балками и проводами? Что там было?

– Ничего, – прошептал он. – Ничего там не было.

– А полиция? Ничего не нашла?

– Нет, ничего. Там ничего и не было. Я сходил туда сегодня, просто чтобы... – он положил руки на стол перед собой, собираясь с духом. – Мне неловко об этом говорить. Если мне грозят неприятности, то, думаю...

– Никаких неприятностей, Боб, если вы окажете мне небольшую услугу.

– Какую?

– Очень простую.

Женщина наклонилась к Бобу, опираясь на подлокотники его кресла – так близко, что практически коснулась его лица своим.

– Отведите меня туда.

Джон въехал на парковку рядом со стройкой и сразу же увидел Оливера, который стоял в воротах сетчатого забора с мрачным выражением лица, сложив руки на груди и что-то пережевывая. Когда стало ясно, что он не сойдет с дороги, Джон притормозил и вышел.

– Что происходит?

Оливер продолжал жевать.

– Я вынужден тебя уволить, – сказал он наконец, – ты опять опоздал.

– Я не опоздал, – возразил Джон и посмотрел на часы. – То есть опоздал, но ненамного, – исправился он. – Прошу вас, Оливер. Это больше не повторится. Мне очень жаль.

– Мне тоже, – сказал Оливер. – Удачи, Джон.

– Оливер! – позвал Джон.

Оливер прошел в ворота и в последний раз оглянулся, прежде чем удалиться. Джон немного постоял, облокотившись о машину. Несколько коллег глазели на него и, когда он это заметил, быстро отвернулись. Джон сел в машину и поехал в том направлении, откуда прибыл.

Вернувшись в квартиру, Джон сел на край кровати и закрыл лицо руками.

- И что теперь? - спросил он вслух и оглядел комнату.

Глаза задержались на единственном элементе декора.

- Выглядишь ужасно, как и раньше, - сказал он бестелесной голове. - И по-прежнему хуже, чем я.

Вдруг ему подумалось, что можно все-таки сходить на вечеринку. В животе поднялась нервная дрожь - то ли от волнения, то ли от страха. Я тоже думала, что она умерла, сказала Джессика прошлой ночью. Я ее видела. Я с ней говорила. Это она. Джон закрыл глаза. А что, если это она? Он снова увидел картину, которую видел постоянно: судорожно бьющийся костюм с Чарли внутри, жуткий хруст - ее рука, а потом кровь. Она не могла выжить после этого. Но тут ему в голову пришел другой незванный образ - Дэйв, который стал Капканом: он пережил то, что случилось с Чарли. Желтый костюм кролика стал его второй кожей, и за это он заплатил дважды: шрамы, покрывшие его тело, словно отвратительное кружево, показывали, что он чудом избежал смерти, а потом... Чарли убила его, когда задела пружинные замки - они были в этом уверены. То, что они видели, не смог бы пережить никто. Но все же он вернулся. На секунду Джон представил Чарли - искалеченную и покрытую шрамами, но чудесным образом выжившую.

- На Чарли, о которой говорила Джессика, это было не похоже - уверенно сказал Джон Теодору. - Искалеченная? В шрамах? Джессика такого не говорила.

Он покачал головой.

- Не та, с которой я виделся в кафе.

На следующий день... она выглядела так, будто вышла из сказки. Джон поймал себя на этой мысли и помотал головой, пытаясь сосредоточиться на настоящем. Он действительно не знал, что случилось с Чарли. И осознал, что хочет ухватиться за ниточку надежды. Может, я был не прав. Может, с ней все в порядке. Именно этого он раньше хотел – этого хочет всякий, у кого случилось сильное горе: пусть это окажется неправдой. Пусть все будет хорошо. Хлипкая доска стала твердой землей, и Джон почувствовал, как с плеч снимают тяжелый груз и как расправляется спина, которая была скрючена – а он и не подозревал. Вдруг разом навалилась усталость за все месяцы недополученного сна.

Он посмотрел на Теодора, так сильно сжимая голову кролика, что побелели костяшки пальцев. Он медленно выпустил игрушку и оставил ее на подушке.

– Я не пойду, – заявил он. – И вообще не собирался, просто хотел, чтобы Джессика отвязалась.

Он на секунду задержал дыхание и сделал глубокий выдох.

– Так ведь? – сказал он более взволнованным тоном. – Что я вообще могу сказать этим людям?

Теодор смотрел на него пустым взглядом.

– Черт, – вздохнул Джон.

Чем ближе он подходил к дому Клэя, тем больше усиливалась в животе нервная дрожь. Он посмотрел на часы на приборной панели – было только шесть. Может, никто еще не пришел, подумал Джон, но, подъезжая по извилистой дороге к дому, он увидел, что с обеих сторон улицы на половину квартала выстроились машины. Джон вклинился между пикапом и ржавым седаном, почти таким же обшарпанным, как его собственный, вышел и направился к дому.

Все окна трехэтажного дома были освещены и светились сквозь ветки дерева словно маяк. Джон не спешил выходить из темноты. Из дома до него доносились музыка и смех, и от этих звуков не хотелось приближаться. Он заставил себя дошагать до двери, но остановился на пороге. Ему казалось, что войти внутрь –

чрезвычайно важное решение, которое все изменит.

Но то же можно было сказать и о решении не входить.

Джон поднял руку, чтобы позвонить, но заколебался; не успел он принять решение, как дверь перед ним распахнулась. Джон заморгал от внезапного яркого света и обнаружил, что стоит лицом к лицу с Клэем Берком, который выглядел таким же изумленным, как и он сам.

– Джон! – Клэй подался к Джону, схватил его обеими руками, притянул к себе и обнял, а потом быстро отодвинул назад и с силой похлопал по плечам.

– Входи же! – Клэй отошел, чтобы пропустить Джона, и тот последовал за ним, с опаской глядя по сторонам.

В последний раз, когда он здесь был, дом был перевернут вверх дном, и по всему было видно, что его обитатель не в себе. Теперь кучи грязного белья и папки с материалами дела исчезли, диваны и пол были чистыми, а сам Клэй широко улыбался. Он поймал взгляд Джона, и его улыбка погасла.

– Многое изменилось, – он снова улыбнулся, как будто прочитав мысли Джона.

– А Бетти... – Джон осекся слишком поздно.

Он покачал головой.

– Простите, я...

– Нет, ее по-прежнему нет, – сказал Клэй ровным голосом. – Я хочу, чтобы она вернулась, и, может, когда-нибудь это случится, а пока жизнь продолжается, – добавил он с мимолетной улыбкой.

Джон кивнул, не зная, что сказать.

– Джон, – Марла помахала ему с лестницы и тут же скатилась по ступенькам с обычным для нее энтузиазмом и заключила его в объятия – он даже не успел сказать «привет».

Из кухни появилась Джессика.

- Привет, Джон, - сказала она более спокойным тоном, но с сияющей улыбкой.

- Я так рада снова тебя видеть. Много времени прошло, - сказала Марла, наконец выпуская его из объятий.

- Да, - ответил он, - слишком много.

Он стал думать, что еще можно сказать, а Марла и Джессика обменялись взглядом.

Джессика открыла рот, чтобы заговорить, но ей помешал Карлтон, который вприпрыжку спускался по лестнице.

- Карлтон! - позвал Джон и в первый раз за весь вечер улыбнулся искренне.

Карлтон поднял руку, помахал в ответ и присоединился к ним.

- Привет! - сказал он.

- Привет, - отозвался Джон, и Карлтон потрепал его по голове.

- Ты теперь мой дедушка?

Джон не слишком старательно разгладил волосы, оглядывая собравшихся.

- Удивлена, что ты пришел, - Марла хлопнула его по плечу.

- Ну конечно, мы ждали, что ты придешь! - поправил ее Карлтон. - Просто ты очень занят, я знаю! Куча девушек, да?

- Как Нью-Йорк? - спросил Джон, пытаясь найти тему для разговора и одновременно поправляя одежду.

– Отлично! Университет, город, учеба, друзья. Я сыграл в пьесе о лошади. Она крутая.

Он быстро покивал головой.

– Марла тоже учится.

– В Огайо, – вступила Марла. – На медицинском.

– Здорово, – улыбнулся Джон.

– Да, пришлось серьезно потрудиться, но оно того стоило, – сказала она жизнерадостно, и Джон почувствовал, что расслабляется, погружаясь в знакомое ощущение дружеского общения. Марла была все той же Марлой; Карлтон по-прежнему оставался непроницаем.

– А Ламар будет? – спросил Карлтон, переводя взгляд с одного лица на другое.

Марла покачала головой.

– Я ему звонила... несколько месяцев назад, – сказала она. – Он весь в учебе. Хочет закончить раньше срока.

– Но он не приедет? – настаивал Карлтон.

Марла улыбнулась одними уголками губ.

– Он сказал: «Ноги моей не будет в этом городе – никогда, никогда, никогда и ни за что, пока я жив. И вам того желаю». Но мы можем его навестить.

– В Нью-Джерси? – Карлтон сделал скептическую гримасу и переключил внимание на Джессику.

– Джессика, а у тебя как жизнь? Слышала, ты теперь живешь в комнате одна?

Джон застыл, вдруг осознав, о чем Карлтон спрашивает на самом деле; свет стал казаться ему слепящим, звуки – слишком громкими. Джессика перевела взгляд на Джона, но он сделал вид, что этого не заметил.

– Да, – сказала она, поворачиваясь спиной к остальным. – Не знаю, что случилось, но однажды я пришла домой сразу после... в общем, где-то полгода назад, и увидела, что она собирает все, что может унести. Она попросила нас с Джоном разобраться с остальным. Если бы мы не зашли в тот момент, она, наверное, и не сказала бы, что уезжает.

– А она говорила, куда едет? – спросила Марла, нахмутив лоб.

Джессика покачала головой.

– Она обняла меня и сказала, что будет скучать, но ей очень надо уехать. Куда – так и не уточнила.

– Ну всегда можно спросить у нее самой, – сказал Карлтон.

Джон вздрогнул и посмотрел на него.

– Ты ее видел?

Карлтон помотал головой.

– Нет еще, я только сегодня прилетел, но она придет сюда сегодня. Джессика говорит, что выглядит она хорошо.

– Ага, – сказал он.

Все посмотрели на него, как будто знали, о чем он думал: Выглядит хорошо, но не похожа на Чарли.

– Джон, подойди на кухню, помоги мне! – позвал Клэй, и Джон с облегчением оставил компанию, хотя ясно понимал, что вряд ли от него можно ждать какой-то помощи.

– Что такое? – спросил он.

Клэй стоял, прислонившись к раковине. Он просканировал Джона сверху донизу.

– Открыть вам бутылку кетчупа? – спросил Джон с нарастающим беспокойством. – Или снять что-то с верхней полки?

Клэй вздохнул.

– Я просто хотел убедиться, что ты в порядке.

– О чем ты?

– Я подумал, ты, наверное, нервничаешь. Вы с Чарли давно не разговаривали.

– С вами мы тоже давно разговаривали, – сказал Джон, не в силах скрыть раздражение.

– Это другое дело, ты же прекрасно знаешь, – сухо ответил Клэй. – Я думал, напутствие пойдет тебе на пользу.

– Напутствие?

Клэй пожал плечами.

– Как ты считаешь?

Клэй смотрел ему прямо в глаза, но по-доброму, и Джон начал успокаиваться.

– Джессика вам рассказала? – спросил он, и Клэй склонил голову набок.

– Кое-что. Возможно, не все. Вот, – Клэй открыл дверь холодильника, о которую оперлся, и дал Джону банку газировки. – Постарайся расслабиться, ты в кругу друзей. Эти люди тебя любят, – Клэй улыбнулся.

– Я знаю, – сказал Джон и поставил банку на рабочую поверхность рядом.

Несколько секунд он смотрел на нее, но так и не взял в руки. Ему казалось, выпить газировку – значит сдаться, принять все, что ему говорят. Проглотить пилюлю, которую все остальные уже проглотили.

Джон посмотрел на заднюю дверь.

– Даже не думай, – резко сказал Клэй.

Джон не стал притворяться, что идея побега не приходила ему в голову. Клэй вздохнул.

– Я знаю, как тебе, должно быть, трудно.

– Знаете? – вскинулся Джон, но выражение лица Клэя не изменилось.

– Остайся и поговори с ней. Я думаю, это твой долг перед ней и перед собой.

Джон не сводил глаза с двери.

– Вряд ли тебя радует душевная боль, которую ты сам себе причиняешь.

Клэй склонился набок, вторгаясь в поле зрения Джона.

– Вы правы, – сказал Джон. – Меня это не радует.

Он подошел к задней двери, открыл ее и сбежал по бетонным ступенькам, как будто боялся, что Клэй может погнаться за ним, а обогнул дом по направлению к машине. Сердце бухало в груди. Он чувствовал легкое головокружение и полную неуверенность в том, что поступает правильно.

– Джон! – окликнул его кто-то сзади.

От знакомого голоса он вздрогнул и остановился, на секунду закрыв глаза.

Он услышал, как ее каблуки застучали по мощеной дорожке и как их звук пропал, когда она оказалась на газоне. Джон открыл глаза и повернулся на голос. Она стояла в паре метров от него.

– Спасибо, что остановился, – сказала Чарли.

Она смотрела беспокойно и стояла, обнимая себя руками, как будто ей было холодно, несмотря на теплую погоду.

– Я просто хотел взять куртку, – сказал Джон, стараясь говорить непринужденно, пытаясь скрыть явную ложь. Он обвел ее взглядом. Она не двигалась, как будто знала, что он делает и почему. Это не она. Девушка выглядела как сногшибательная кузина Чарли, но не как она сама. Не как круглолицая, неловкая девочка с пушистыми непокорными волосами, которую он знал почти всю жизнь. Эта Чарли была выше, стройнее, с длинными, более темными волосами. Чем-то явно отличалось и лицо, хотя он не смог бы объяснить разницу. Даже ее поза, хотя она стояла, беспокойно обхватив себя руками, казалась какой-то слишком элегантной. Пока он смотрел на нее, первый шок узнавания сменился острым отторжением; он невольно сделал шаг назад. Как можно подумать, что это она? Как можно подумать, что это моя Чарли? Девушка закусила губу.

– Джон, скажи что-нибудь, – попросила она с мольбой в голосе.

Он пожал плечами и поднял обе руки, словно сдаваясь.

– Я не знаю, что сказать, – признал он.

Она кивнула. Расцепила руки, как будто лишь сейчас поняла, что они делают, и переключила внимание на свои ногти.

– Я так рада тебя видеть, – сказала она таким голосом, будто сейчас расплачется.

Джон было смягчился, но подавил в себе это чувство.

– И я тебя тоже, – сказал он, пытаясь проглотить комок в горле.

Она поколебалась.

- Ты думаешь, что я - это не я? - тихо спросила она наконец.

Он опустил глаза, не в силах сказать это ей в лицо.

- Джессика мне рассказала. Это ничего, Джон, - продолжила она. - Я хочу, чтобы ты знал: ничего страшного.

Ее глаза блестели от слез. Сердце Джона рванулось из груди, и на минуту он словно увидел мир под другим углом.

Он посмотрел на девушку, съезжившуюся под его взглядом. Она пыталась сдержать рыдания. Резкие отличия от прежней Чарли вдруг показались легко объяснимыми. Туфли на каблуках - поэтому она выше. Облегающее платье вместо обычных джинсов и футболки, поэтому она стройнее. На ней была элегантная одежда, а жесты казались осознанными и уверенными, но все это выглядело так, словно Джессика наконец-то поработала над ее стилем, как давно грозились. Будто Чарли просто повзрослела.

Нам всем пришлось повзрослеть.

Джон вспомнил, как он ездил домой с работы - до этого утра, - как старался никогда не проезжать мимо ее дома или места, где раньше была пиццерия «У Фредди Фазбера». Может, Чарли тоже избегала каких-то вещей. И просто хотела быть другой.

Может, она хотела измениться, как и ты. Ты все время думаешь о том моменте, о том, как он тебя изменил - а как он повлиял на нее? Какие кошмары тебе снятся, Чарли? Его охватило внезапное, глубочайшее желание спросить ее, и в первый раз он разрешил себе посмотреть ей в глаза. В животе ухнуло, сердце забилось сильнее. Она робко улыбнулась, и он ответил, бессознательно копируя ее улыбку, но вдруг внутри резко похолодело. Это не ее глаза.

Джон отвел взгляд, успокаиваясь. Чарли смотрела непонимающе.

– Чарли, – осторожно произнес Джон, – ты помнишь последнее, что я тебе сказал перед тем, как ты... как ты оказалась в костюме?

Какое-то время она не сводила с него глаз, а потом покачала головой.

– Мне жаль, Джон, – сказала она. – Я многое не помню о той ночи, целые куски просто... пропали. Помню, что была в костюме – и отключилась, наверное, на несколько часов.

– То есть ты не помнишь? – повторил он серьезно.

Разве такое можно было забыть? Может, она меня не слышала.

– Ты была ранена? – резко спросил он.

Она молча кивнула, в глазах снова заблестели слезы, и она обхватила себя за плечи. На сей раз это выглядело так, словно ей не холодно, а больно. Может, так оно и было, Джон приблизился на шаг, и ему вдруг отчаянно захотелось пообещать ей, что все будет в порядке. Но потом их взгляды снова встретились, он остановился и отступил. Она протянула руку, но Джон не взял ее, и Чарли снова обняла себя за плечи.

– Джон, мы можем завтра встретиться? – спросила она ровным голосом.

– Зачем? – спросил он, не успев остановиться, но она не смутилась.

– Я просто хочу поговорить, – ее голос задрожал и стал выше.

Он кивнул.

– Конечно, давай встретимся.

Он помедлил.

– На том же месте, да? – добавил он осторожно, ожидая ее реакции.

– В итальянском ресторане? Где у нас было первое свидание? – ответила она легко, и, кажется, глаза ее высохли. – Около шести?

Джон глубоко выдохнул.

– Ага.

Он снова встретил ее взгляд и не отвернулся, позволив себе погрузиться в них в первый раз с той самой ночи. Она смотрела на него в ответ, не двигаясь, как будто боялась, что может его спугнуть. Джон кивнул, повернулся и быстро пошел к машине, ничего больше не сказав. Он старался идти ровно. Возникло такое ощущение, словно он сделал что-то чудесное и одновременно совершил ужасную ошибку. Это было странно, и в крови бушевал адреналин. Проезжая по темной дороге, он снова представил себе ее лицо.

Это не ее глаза.

Чарли смотрела, как он уходит, прикованная к тому месту, как будто простояла там всю жизнь. Он не верит мне. Джессика не хотела говорить ей о странной, но горячей убежденности Джона, но отказ говорить с ней сейчас и нежелание хотя бы признать ее присутствие в тот день в кафе были слишком странными, чтобы пренебречь ими. Как он может думать, что это не я? Задние фары машины Джона исчезли за поворотом.

Чарли уставилась в темноту, где он только что стоял, не желая возвращаться в шумный ярко освещенный дом. Карлтон обязательно пошутит, а Джессика и Марла станут успокаивать, как в кафе в тот день, когда она пришла показать им, что выжила вопреки всему. В тот день ей показалось, что дорога от позаимствованной у тети Джен машины до кафе заняла километры. Нервная дрожь в животе не унималась, хотя, конечно, она знала, что ей будут рады. Как же иначе? Она неуверенно шагала негнушима ногами, каждое движение причиняло боль, и все тело ныло после вчерашнего, хотя на нем не осталось следов. Каждый вдох был напряженным и незнакомым, и ее не покидало ощущение, что если она забудет его сделать, то остановится и умрет от удушья прямо здесь, на мостовой, разве что ей напомнят о необходимости вдохнуть. Она видела их через окна кафе, подходя к двери с сильно бьющимся сердцем. И тут ее заметили, и случилось все, на что она осмелилась надеяться: Марла и

Джессика побежали к дверям, отпихивая друг друга, чтобы обнять ее первой. Они плакали, увидев ее живой. Чарли позволила себе погрузиться в тепло их эмоций, но еще не освободившись из их объятий, уже искала глазами Джона.

Увидев его сидящим спиной к двери, она почти выкрикнула его имя, но что-то ее остановило. Он говорил какие-то слова, она не услышала и, не веря глазам своим, смотрела, как он сидит на месте, не подходя к ней, и сжимает ложку в руке словно оружие.

– Джон! – позвала она наконец. Но он не обернулся.

Марла и Джессика вывели ее из ресторана, издавая успокаивающие звуки – должно быть, слова, – а Чарли пыталась разглядеть его через окно: он не сдвинулся с места. Как он может притворяться, что меня здесь нет?

Вдруг ее пронзила острая боль, возвращая в настоящее, и Чарли крепко обхватила себя руками, хотя это не сильно-то помогло: боль была везде, острая и горячая. Она сжала челюсти, не в силах произнести ни звука. Порой боль сменялась тянущим чувством, которое можно было затолкнуть на задворки сознания, порой исчезала на целые дни, но всегда возвращалась.

Тебе было больно? – спросил Джон, и это был первый – и единственный – знак того, что ему, возможно, не все равно, но только она не смогла ответить. А ведь можно было сказать: да. Да, мне было больно, и больно до сих пор. Иногда я думаю, что умру от боли, хотя сейчас от нее осталось только эхо. Как будто все мои кости раздроблены, как будто внутренности разорваны и перекручены, как будто череп треснул, и из него вытекает содержимое – и все повторяется снова и снова. Она сжала зубы и сделала несколько решительных вдохов. Приступ понемногу стихал.

– Чарли? Ты в порядке? – тихо спросила Джессика, появившись у нее за спиной на тротуаре у дома Клэя.

Чарли кивнула.

– Я не слышала, как ты подошла, – сказала она хрипло.

- Он не специально так... Он просто...

- Травмирован, - огрызнулась Чарли. - Я знаю.

Джессика вздохнула, и Чарли покачала головой.

- Извини, я не хотела тебя обидеть.

- Я знаю, - сказала Джессика.

Чарли вздохнула и закрыла глаза.

Но умер тогда не он - а то, что пережила она, было очень похоже на смерть. Ту судьбоносную ночь она помнила отрывочно - клочки мыслей, шепот, все спутано, как будто в тумане, и медленно вращается вокруг самого важного - единственного, безошибочно узнаваемого щелчка спиральных замков. Чарли содрогнулась и почувствовала руку Джессики у себя на плече. Она открыла глаза и беспомощно посмотрела на подругу.

- Думаю, ему просто нужно время, - мягко сказала Джессика.

- Сколько еще времени? - спросила Чарли голосом, холодным как камень.

Глава третья

- Готово, - прозвенел тихий голос в темноте.

- Я сам скажу, когда будет готово, - сказал человек, сгорбившийся в углу.

Он напряженно смотрел в монитор.

- Подними еще на пару градусов, - прошептал он.

– Вы говорили, что это может быть слишком, – сказала женщина, склонившаяся над столом в противоположном углу.

Ее силуэт вырисовывался в контурном свете. Она внимательно рассматривала что-то, лежавшее перед ней.

– Давай, – сказал сутулый.

Женщина прикоснулась к рукоятке регулировки, но вдруг отпрянула.

– Что такое? – осведомился мужчина, не отводя глаз от монитора. – Подними на два градуса, – приказал он, повышая голос.

Минуту комната оставалась в тишине. Наконец, мужчина повернулся к столу.

– Какая-то проблема?

– Мне кажется, оно... – Женщина замолкла.

– Что?

– Двигается.

– Конечно. Они двигаются.

– Кажется, ему... больно? – прошептала она.

Мужчина улыбнулся.

– Да.

Вдруг вспыхнул свет, и в центре комнаты раздался резкий звук. Красные, зеленые и синие огни замигали один за другим, и из колонок, вмонтированных в стены, полился жизнерадостный голос, заполняя комнату песней.

Теперь все лампы освещали его – гладкого фиолетово-белого медведя. Его суставы щелкали при каждом повороте, глаза бессмысленно дергались. Он был около ста восьмидесяти сантиметров высотой, с розовыми щеками, напоминающими клубы сахарной ваты. В лапе он держал микрофон с нашлепкой, похожей на зеркальный дискотечный шар.

– Выключи эту штуку! – закричал сутулый, с явным трудом поднимаясь на ноги.

Он медленно дошел до центра комнаты, всем весом опираясь на трость.

– Отойди назад, я сам! – проорал он, и женщина удалилась к столу в углу комнаты.

Мужчина снял белую пластиковую панель с груди поющего медведя, глубоко запустил в полость руку и вытащил все, что мог нащупать. По мере того как он разъединял провода внутри, глаза перестали вращаться, веки – схлопываться, и, наконец, рот перестал петь, а голова – поворачиваться. Потом, вздрогнув в последний раз, глаза закрылись, и голова безжизненно повалилась набок.

Человек отступил, и тяжелая панель с лязгом захлопнулась. В аниматронном медведе зазвучали сервомеханизмы и шестеренки, сломанные и разъединенные, неспособные функционировать. Из швов оболочки порой вырывался воздух, когда давали осечку шланги пневмопривода.

Звук оборвался и отозвался эхом, которое вскоре затихло. Человек перенес внимание на стол и дернулся к нему. Он опустил глаза, разглядывая извивающуюся фигуру, которая лежала на поверхности. Стол сиял раскаленным оранжевым, шипел горячий металл. Человек взял шприц из руки женщины и с силой вонзил его в извивающуюся тварь. Потом он поднял поршень шприца и твердой рукой удерживал иглу, пока ее наполняла расплавленная субстанция. После этого он рывком вынул шприц и, шатаясь, вернулся к медведю.

– А теперь мы используем тебя для великой цели, – сказал он светящемуся шприцу.

Он снова открыл тяжелую грудную панель сломанного медведя, потом осторожно вставил шприц прямо в полость и начал давить на поршень. Панель захлопнулась – человек был слишком слаб, чтобы удерживать ее открытой, – и

он упал на спину, схватившись за руку. Почти полный шприц покатился на пол. Женщина упала на колени рядом с мужчиной и ощупала его руку, чтобы исключить перелом.

- Я в порядке, - проворчал он и посмотрел на все еще неподвижного медведя.

- Надо нагреть сильнее.

Шипение на столе продолжалось - фигура повернулась, с горячей поверхности поднимались струи пара.

- Сильнее нагревать нельзя, - сказала женщина. - Вы их погубите.

Человек посмотрел на нее с добродушной улыбкой, резко перевел взгляд на медведя и, широко раскрыв глаза, стал следить за каждым мельчайшим движением.

- Теперь их жизни послужат великой цели, - сказал человек довольным голосом. - Они станут чем-то большим, в точности как ты.

Он посмотрел снизу вверх на женщину, которая склонилась над ним на коленях. Та обернулась. Ее гладкие накрашенные щеки блестели в свете ламп.

Джон вошел в квартиру, запер дверь на задвижку и воспользовался цепочкой в первый раз с тех пор, как переехал. Он подошел к окну, повозился с жалюзи и остановился, борясь с желанием закрыть их и полностью отгородиться от внешнего мира. Через стеклянную дверь была видна спокойная парковка, жутковато освещенная голубой неоновой вывеской на соседнем автосалоне. Откуда-то доносилось незнакомое жужжание, и Джон какое-то время понаблюдал за парковкой, сам не зная, чего он ожидает там увидеть. Вернувшись в спальню, он замер: снова появился этот звук, на сей раз громче - где-то в этой же комнате.

Джон затаил дыхание, прислушиваясь. Это был тихий звук от какого-то движения, но слишком ровный и механический, например, для мыши. Джон включил свет - шум не останавливался. Он медленно повернулся, пытаясь

определить источник звука, и осознал, что смотрит на Теодора.

- Это ты? - спросил он.

Он подошел ближе и взял в руки голову от бестелесного кролика. Поднес ее к уху, прислушался к странному звуку, который шел изнутри игрушки. Раздался резкий щелчок, и звук прекратился. Джон подождал, но кроличья голова затихла. Он положил Теодора обратно на комод и подождал, не возобновится ли шум.

- Я не сумасшедший, - сказал Джон кролику. - И не позволю ни тебе ни тебе ни кому-то другому убедить меня в обратном.

Он вернулся к кровати и сунул руку под матрас, с подозрением глядя на кролика. Джону вдруг стало казаться, что за ним наблюдают. Он вынул спрятанную тетрадь, сел, откинувшись на спинку кровати, и посмотрел на черно-белую обложку. Это была обычная толстая тетрадь с белым прямоугольником, куда вписывают имя и предмет. Джон оставил его пустым и теперь обводил незаполненные строки пальцем. Ему не очень хотелось открывать тетрадь, которая бесполезно лежала под матрасом вот уже три месяца. Наконец он вздохнул и открыл первую страницу.

- Я не сумасшедший, - повторил он кролику снова. - Я видел своими глазами.

Чарли. На первой странице были только факты и цифры, которых он, как выяснилось, знал постыдно мало. Он знал отца Чарли, но не знал матери. Ее брат всегда оставался загадкой. Он даже не мог сказать, родилась ли она в Новой Гармонии, или до «Семейной закуской Фредберов», которую они обнаружили, когда в первый раз все вместе вернулись к Фредди, был еще какой-то город. Он тщательно описал всю их общую историю: детство в Харрикейне, трагедию у Фредди, самоубийство ее отца. Потом она переехала к тете Джен. Описывая это, Джон понял, что никогда не знал, где живут Чарли с Джен. Достаточно близко к Харрикейну, ведь почти два года назад она приехала на машине на церемонию в честь мемориальной стипендии Майкла, лететь не пришлось. Но было странно, что она никогда не называла город, в котором живет - и жила тогда.

Джон пролистал страницы; чем дальше, тем больше было написано на каждой. Он постоянно возвращался в памяти к деталям, и они умножались и умножались. Он набросал целые сюжеты: например, однажды в первом классе он прилепил жвачку к ее волосам, решив, что это будет смешно. Пока их учительница вырезала жвачку безопасными ножницами синего цвета, она лукаво смотрела на него. Потом Чарли сумела вытащить шарик волосатой жвачки из мусорной корзины, когда никто не видел, и взяла его на улицу во время перемены. Как только они вышли, Чарли широко улыбнулась Джону.

– Хочу отдать тебе жвачку, – сказала она, и весь остаток дня они гонялись друг за другом по школьному двору.

Чарли решительно пыталась засунуть облепленную волосами жвачку Джону в рот. У нее не получилось: их поймали и на время запретили играть. Джон улыбался, читая набросок истории. Ему казалось важным начать с детства, найти основу в Чарли-из-прошлого, а заодно и в Джоне-из-прошлого. Он вздохнул и перевернул страницу.

Дальше он постарался описать ее как можно подробнее: как она двигалась, как говорила. Это было трудно: чем больше проходило времени, тем больше эти воспоминания становились представлениями Джона о Чарли вместо самой Чарли, и поэтому он старался писать максимально много и быстро, начав через три дня после той ночи. Как уверенно она двигалась, пока думала, что ее никто не видит; как говорила невпопад, если нервничала в обществе других людей, а это бывало часто. Порой она погружалась в себя, как будто в ее голове существовала другая реальность, и она ненадолго вышла из этого мира туда, куда он не мог за ней последовать. Он вздохнул. Как проверить такие вещи?

Он перевернул тетрадку: с другой стороны, начинались размышления на другую тему.

Что случилось с Чарли?

Если девушка на вечеринке Карлтона – та, что внезапно появилась в кафе, – не Чарли, то кто же это? Конечно, напрашивался очевидный ответ: ее близнец. Чарли всегда говорила о мальчике, но имя Сэмми может быть уменьшительным от Саманты, и воспоминание, о котором по секрету рассказала Чарли – как Сэмми забрали из шкафа, – могло свидетельствовать о похищении, а не

убийстве. Что, если сестра-близнец Чарли жива? Что, если Капкан, в то время Уильям Эфтон, не просто похитил ребенка, но вырастил его? Если ее семнадцать лет пестовал и наставлял психопат, пичкая всеми знаниями о жизни Чарли, собранными по крупицам, – и теперь послал ее занять место Чарли? Но зачем? Какой в этом может быть смысл? Зацикленность Эфтона на Чарли была неприятной, но он не казался способным на такой изощренный план и вряд ли мог уделять внимание ребенку так долго, чтобы полностью промыть ему мозги.

Он записал с десятков других гипотез, но сейчас, при перечитывании, все они показались неверными: либо распадались при пристальном анализе, либо, как в случае с воображаемой Самантой, были просто нелепыми. И все они не подходили к Чарли, с которой он говорил этим вечером. Ее страдание, ее потерянности казались такими реальными; когда он представлял ее лицо, в груди поднималась тупая боль. Джон закрыл книгу, пытаясь представить обратную ситуацию: Чарли, его Чарли отворачивается от него, настаивает, что это не он – что настоящий Джон мертв. Я был бы раздавлен. Он ощутил бы именно то, что читалось на лице Чарли, которая молила и обнимала себя, словно только это не давало ей развалиться на части. Он лег на кровать, положив на грудь книгу, которая вдруг показалась гораздо тяжелее своей массы. Закрыл глаза, сжимая книгу, как ребенок – игрушку, и, погружаясь в сон, снова услышал звук из головы Теодора: жужжание, а потом щелчок.

На следующий день Джон проснулся поздно с ощущением беспричинного страха. Он посмотрел на часы, в панике понял, что опаздывает на работу, и почти сразу вспомнил, что работы больше нет, а значит, скоро будут последствия. Но не сегодня. На сегодня было только одно дело – встретиться с Чарли. При мысли об этом снова подступил ужас, и Джон вздохнул.

Ближе к вечеру, когда он искал в шкафу приличную рубашку, кто-то постучал в дверь. Джон посмотрел на Теодора и прошептал:

– Кто это?

Кролик не ответил. Джон подошел ко входу и увидел в окне рядом с ним, что Клэй Берк стоит и вежливо смотрит на дверь, очевидно, игнорируя тот факт, что при желании может заглянуть прямо в квартиру Джона. Джон вздохнул, снял цепочку и широко распахнул дверь.

– Клэй, привет. Заходите.

Клэй помялся на пороге, глядя на интерьер, оформленный слишком скудно, чтобы удалось устроить беспорядок. Джон пожал плечами.

– Прежде чем судить, вспомните, что у вас я видел бардак и похуже, – сказал он, и Клэй улыбнулся.

– Это точно, – сказал он наконец и вошел.

Голова Теодора снова начала издавать звуки, но Джон решил не обращать внимания.

– Что это? – спросил Клэй, помедлив пару секунд.

Джон подождал с ответом, потому что знал, что звук скоро прекратится. Так оно и вышло – и опять с таким же щелчком.

– Ага, понятно.

Клэй посмотрел на комод, а потом на Джона, как будто это было в порядке вещей. Если учесть, что они пережили в прошлом, так оно, собственно, и было.

– Итак, что я могу для вас сделать? – спросил Джон, пока не случилось что-нибудь еще более странное.

Клэй покачался на пятках.

– Хотел узнать, как у тебя дела, – сказал он непринужденно.

– Правда? Разве мы вчера об этом не поговорили? – сухо спросил Джон.

Он снова встал, взял из комода чистую футболку и пошел в ванную переодеться.

– Да, но, знаешь, никогда нельзя быть уверенным, – сказал Клэй, повышая голос, чтобы Джон его услышал.

Джон включил воду.

- Джон, что ты знаешь о Джен, тете Чарли?

Джон резко завернул кран. От внезапного вопроса его бунтарский настрой испарился.

- Что вы сказали, Клэй?

- Я спросил, что ты знаешь о тете Чарли?

Джон быстро поменял футболку и вернулся в спальню.

- О тете Джен? Я с ней незнаком.

Клэй пристально посмотрел на него.

- Ты никогда ее не видел?

- Я этого не говорил, - сказал Джон. - Почему вы спрашиваете?

Клэй поколебался.

- Чарли очень захотела с тобой встретиться, когда я упомянул, что в ту ночь ты видел Джен, - сказал он, очевидно, тщательно подбирая слова.

- Какая Чарли разница, видел я Джен или нет? И если на то пошло, какая вам разница?

Джон потянулся за ремнем, висевшим на спинке кровати, и начал продевать его через шлевки джинсов.

- Я просто осознал, что мы многого не знаем о той ночи, - ответил Клэй. - Думаю, твой разговор с Чарли может заполнить эти пробелы, если ты задашь нужные вопросы.

– Вы хотите, чтобы я ее допросил? – Джон невесело засмеялся.

Клэй вздохнул. Под его обычным спокойствием проступало раздражение.

– Я не об этом спрашиваю, Джон. Я хочу сказать, что если тетя Чарли была там в эту ночь, то я бы задал ей пару вопросов.

Джон уставился на Клэя. Тот мирно смотрел на него, ожидая ответа. Джон взял пару носков и сел на кровать.

– Я так и не понял, почему вы вдруг решили прийти ко мне? – спросил он. – До сих пор никто не верил не единому моему слову.

– Мы кое-что нашли на территории, – ответил Клэй.

– На территории... у дома отца Чарли?

Клэй пристально посмотрел на него.

– Я думаю, мы оба знаем, что это был не просто дом, – сказал он.

Джон пожал плечами и не ответил, ожидая, что Клэй продолжит.

– Мы нашли в развалинах вещи... другие не обнаружили в них ничего особенного, но я видел... в общем, некоторые штуки там, внизу, оказались довольно страшными. Хотя в основном они остались под бетоном и металлом.

– «Страшными»? Это ваша команда так решила или вы лично? – спросил Джон, не пытаясь скрыть сарказм в голосе.

Но Клэй, кажется, его не услышал. Он неотрывно смотрел куда-то в пространство.

– Клэй? Что вы нашли? Что значит «страшные»? – встревоженно спросил Джон.

Клэй моргнул.

- Не знаю, как еще их можно описать, - сказал он.

Джон покачал головой.

- Я вот что скажу, - резко продолжил Клэй. - Я не готов закрыть дело Дэйва или Уильяма Эфтона или как там еще он себя называл...

- Капканом, - тихо сказал Джон.

- Я не готов закрыть это дело, - закончил Клэй.

- Что это значит? Вы думаете, он еще жив?

- Я думаю, что мы не можем делать выводы, - сказал Клэй.

Джон снова пожал плечами. У него кончалось терпение - и почти кончался интерес. Ему надоели эти интриги. Клэй не хотел делиться информацией, пытаясь защитить их, - как будто от секретов их жизнь хоть когда-то была безопаснее.

- Что вы хотите, чтобы я у нее спросил? - прямо уточнил Джон.

- Просто разговори ее. Пойми меня правильно, чудесно, что она вернулась, но она явно что-то скрывает. Как будто...

- Это не она? - спросил Джон с некоторым сарказмом.

- Я этого не говорил. Но я думаю, она может знать какие-то вещи, которые нам еще не рассказала. Может, ей некомфортно рассказывать.

- А со мной может быть комфортно?

- Может.

- Мне кажется, это не вполне этично, - устало сказал Джон.

С комода снова послышалось урчание.

– Видите? Теодор согласен, – Джон показал на кролика.

– Он всегда так делает?

Клэй потянулся к кроличьей голове, но не успел он к ней прикоснуться, как челюсть кролика резко дернулась вниз, и голова пошатнулась. Джон вздрогнул, Клэй быстро отпрянул. Они оба зачарованно слушали звук и смотрели на голову, хотя больше она не двигалась. Звук стал похож на искаженное бормотание; он становился то громче, то тише и порой почти походил на слова, хотя и абсолютно неразличимые для Джона. Через пару минут голова затихла.

– Никогда такого не видел, – ответил Джон.

Клэй согнулся над комодом, почти касаясь носом носа Теодора, словно мог заглянуть внутрь.

– Мне пора, – коротко сказал Джон. – Не стоит опаздывать, правда? Мы с ней начинаем честные и открытые отношения.

Он с упреком посмотрел Клэю прямо в глаза и быстро направился к двери.

– А запирать не будешь? – спросил Клэй, когда Джон протиснулся мимо.

– Без разницы.

Когда Джон доехал до Сент-Джорджа, было еще светло, и, посмотрев на часы на приборной панели, он понял, что приехал почти на час раньше. Он все равно припарковался у ресторана и вышел, радуясь возможности пройтись и потратить немного нервной энергии. Он избегал Сент-Джорджа – города, где Чарли и Джессика учились в университете. Джессика, наверное, учится до сих пор, подумал он. Неудобно не знать такие базовые вещи.

Он прошел мимо кафе и магазинов, неосознанно направляясь в сторону кинотеатра, где был с Чарли в последний раз, когда сюда приезжал. Может,

сходим в кино. После ужина с допросом. Джон резко остановился на тротуаре: кинотеатр исчез. Два гигантских клоунских лица улыбались ему с витрины сияющего нового ресторана. Нарисованные с обеих сторон от входной двери, они почти не уступали ей размером. Сверху горела красная с желтым неоновая вывеска, бесполезная при свете дня: «Пиццерия «Цирковая малышка». Джон встал как приклеенный, не в силах оторвать кроссовки от асфальта. Мимо пронеслась стайка детей, с Джоном столкнулся какой-то подросток, и это вывело его из транса.

– Иди дальше, Джон, – пробормотал он себе под нос, отворачиваясь, но снова остановился через несколько шагов. – Иди дальше, – сказал он себе строже и с вызовом посмотрел на ресторан. Он подошел к передней двери и толкнул ее. За ней открылся пустой вестибюль, зона для ожидания, где со стен безумно улыбались уменьшенные копии тех же клоунов, а на второй двери было курсивом написано: Добро пожаловать! В воздухе витал знакомый запах: характерное сочетание резины, пота и готовящейся пиццы.

Джон открыл вторую дверь, и на него обрушилась волна шума. Он поморгал от яркого люминесцентного освещения и непонимающе осмотрелся: повсюду были дети. Они визжали, смеялись, бегали по всему помещению, и со всех сторон доносились позвякивания игровых автоматов. Слева было устроено что-то вроде детского городка, а справа – бассейн с пластиковыми шариками, где две маленькие девочки кидались яркими шариками в третью, а та что-то кричала.

В центре помещения стояли столы, и рядом стояли пять-шесть взрослых, беседуя друг с другом. Иногда они оборачивались на окружающий хаос и на сцену позади с затянутыми красными кулисами. По спине Джона пробежал холодок. Он смотрел на играющих детей и умиротворенных родителей с ужасным ощущением дежавю.

Он направился к сцене, дважды останавливаясь, чтобы не споткнуться об играющих в салочки. Занавес был абсолютно новым, толстый красный бархат поблескивал на свету, украшенный золотыми веревками с кистями. Джон замедлил шаг, приближаясь, и желудок сжался от старого, знакомого страха. Сцена доходила ему до пояса, он обошел ее стороны, осторожно взялся за толстую ткань и потянул.

– Простите, сэр, – сзади раздался мужской голос, и Джон дернулся, как будто прикоснулся к горячей плите.

– Простите, – сказал он, оборачиваясь, и увидел мужчину в желтой рубашке поло, который напряженно смотрел на него.

– Вы здесь с детьми? – спросил мужчина, поднимая брови.

На футболке было написано «Пицца «Цирковая малышка», а на бейдже – «Стив».

– Нет, я... – Джон помедлил. – Да. С кучей детей. День рождения, понимаете. Столько кузенов, ужас просто.

Стив продолжал смотреть на него с поднятыми бровями.

– Мне нужно кое-куда... на встречу, – сказал Джон.

Стив жестом показал на дверь.

Глава четвертая

– Ой нет! – вскрикнула в расстройстве Джессика, выживая ключи из кармана слишком тесных по моде джинсов.

Из бумажного пакета, который она старалась придерживать бедром, выпало яблоко и покатилося по коридору. Оно остановилось на дверном коврике ее нелюбимого соседа – пожилого человека, который мог заметить даже самый легкий шум и тут же принимался жаловаться. С тех пор, как шесть месяцев назад она переехала в эту квартиру из комнаты в общежитии, которую они делили с Чарли, он три раза звонил ей в дверь, жалуясь на громкое радио. Два раза оно даже не было включено. Чаще всего он просто неодобрительно смотрел на нее, когда они сталкивались в холле. Джессика была не против такой враждебности – это немного напоминало ей о жизни в Нью-Йорке. Она не стала поднимать яблоко.

Справившись с дверью, Джессика сбросила пакеты на рабочую поверхность на кухне и оглядела комнату с тихим удовлетворением. Квартира была не слишком

роскошной, но зато ее собственной. Когда она только переехала, то предалась неистовой уборке, отчищая спекшуюся грязь, которая, должно быть, копилась на плитусах с тех пор, как дом построили около пятидесяти лет назад. Две недели она скребла и чистила, тратя все время, свободное от пар и домашних заданий, и каждый вечер шла спать с болью в руках, как будто все это время тренировалась с весами. Но теперь квартира была достаточно чистой для Джессики – пусть и едва-едва. Это уже было немалое достижение.

Она начала вынимать покупки из пакетов, выставлять все на рабочую поверхность, а потом раскладывать по местам.

– Арахисовая паста, хлеб, молоко, бананы... – забормотала она себе под нос, но вскоре замолчала.

Что-то не так. Она тщательно осмотрела комнату, но в ней точно никого не было и все выглядело так, как было, когда она уходила. Она вернулась к покупкам. Закрыв холодильник, она почувствовала, как по спине побежали мурашки. Джессика развернулась, словно желая поймать грабителя с полочным. Сердце колотилось от адреналина, но комната оставалась спокойной. На всякий случай она решила проверить дверь, которая, как и ожидалось, оказалась запертой. Она постояла минуту в тишине, прислушиваясь к далеким звукам жилого комплекса – жужжанию кондиционера за окном, шуму пылесоса для листьев через дорогу, – но не уловила ничего необычного. Тогда она осторожно вернулась к рабочей поверхности и закончила раскладывать продукты, а потом направилась в спальню. Она повернула за угол в коридор и закричала: в темноте, загораживая дорогу, стояла фигура.

– Джессика? – сказал знакомый голос, и она торопливо нащупала выключатель, готовая броситься бежать.

Свет помигал и медленно включился: это была Чарли.

– Я тебя напугала? – спросила Чарли неуверенно. – Прости. Дверь была не заперта – надо было подождать, – добавила она, глядя в пол. – Я просто подумала, раз мы решили жить вместе...

– Чарли, ты меня до смерти напугала, – сказала Джессика с шутливым упреком. – Что ты здесь делаешь?

– Я тебе говорила, что мы ужинаем с Джоном? – спросила Чарли, и Джессика кивнула. – Ты не могла бы одолжить мне что-нибудь из одежды? Может, поможешь с выбором?

Чарли выглядела неуверенно, как будто просила об огромном одолжении, и Джессика недоуменно нахмурилась.

– Да, конечно, не вопрос, – Джессика попыталась успокоиться. – Но Чарли... вряд ли сейчас тебе нужна моя помощь в этом вопросе.

Джессика жестом обвела одежду Чарли: на ней были ее обычные ботинки на шнуровке – или их более элегантная версия, но она сочетала их с черной юбкой средней длины и темно-красной блузкой с глубоким вырезом. Чарли пожала плечами и переступила с ноги на ногу.

– Я просто подумала... если ты поможешь, ему, наверное, больше понравится мой вид? Чем если я оденусь сама... Кажется, ему не слишком по душе мой новый стиль.

– Ну, Чарли... – Джессика остановилась, тщательно подбирая слова. – Если сделать вид, что ничего не изменилось, это тоже не пойдет тебе на пользу, – твердо сказала она. – Не переодевайся, ты отлично выглядишь.

– Ты так думаешь? – спросила Чарли с сомнением.

– Да, – заверила Джессика.

Она проскользнула в свою комнату, осторожно обогнув Чарли, и та последовала за ней, остановившись в дверях, словно вампир, ожидающий приглашения. Джессика посмотрела на Чарли, и вдруг ей стало легко, как будто их дружба никогда и не прерывалась. Джессика широко улыбнулась.

– То есть, получается, ты нервничаешь? – спросила она и подошла к трюмо, чтобы взять щетку для волос.

Чарли зашла в комнату и села на кровать.

– Мне кажется, я должна ему что-то доказать, но не знаю, что именно, – сказала она, обводя пальцем цветы на покрывале Джессики. – Кстати, ты была права.

Джессика повернулась к ней, рассеянно расчесывая волосы.

– Он хочет увидеться с тобой сегодня. Думаю, это отличный старт, – заключила она. – Пусть просто проведет с тобой какое-то время. Он многое пережил. И помни, что, с его точки зрения, он видел, как ты умерла прямо у него на глазах.

Чарли выдавила из себя тихий смешок и затихла.

– Я просто беспокоюсь за него... – Она оборвала себя. – Джессика, ты не помнишь, он не говорил мне ничего важного в тот вечер?

Что-то в ее интонации изменилось – совсем немного, будто появился легкий намек на напряжение. Джессика не изменила выражения лица, притворяясь, что не заметила.

– Важного?

– Чего-то... что я могла помнить. Должна помнить.

Она не сводила глаз с покрывала, продолжая обводить узор, как будто пытаясь сохранить его в памяти. Джессика заколебалась. Эта картина стояла у нее перед глазами как наяву, но от нее в животе поднималась тошнота. Чарли, запертая в искореженном, сломанном костюме Фредди, снаружи только одна рука, и Джек держит ее руку – Джессика содрогнулась; этот ужасный, короткий треск эхом отозвался у нее в голове.

– Джессика? – сказала Чарли, и та коротко кивнула.

– Прости. – Она прочистила горло. – Не знаю, вы с Джоном остались одни на несколько минут. Не представляю, что он мог сказать. А почему ты спрашиваешь?

– Думаю, ему важно, чтобы я это помнила, – ответила Чарли, продолжая обводить узор на покрывале.

Джессика минуту понаблюдала за ней, вдруг ощутив себя неуютно в собственной спальне, будто Чарли встала и посмотрела ей в глаза.

– Спасибо, Джессика, – сказала она. – Еще раз прошу прощения за вторжение. Ну то есть, я не взламывала дверь, было не заперто – но ты понимаешь, о чем я.

– Никаких проблем, просто... быстрее говори, что это ты, в следующий раз? – Джессика улыбнулась, ощутив прилив теплоты.

На прощанье она обняла подругу у двери. Чарли сделала несколько шагов, подобрала с пола яблоко и протянула его обратно Джессике.

– Кажется, это твое, – Чарли улыбнулась, развернулась и направилась к выходу.

Когда дверь закрылась, Джессика вздохнула. Беспокойство, поднявшееся при виде Чарли в комнате, не ушло. Она прислонилась к двери и прокрутила в голове разговор. Почему Джону важно знать, что Чарли помнит, о чем они говорили в последний раз? Она подбросила яблоко и поймала его.

– Он ее проверяет, – сказала Джессика пустой квартире.

На улице у дома Джессики расстроенная Чарли остановилась на парковке. Что же такого важного он сказал? Она подошла по нагретому асфальту к своей машине, села в нее и захлопнула дверь с излишней силой. В салоне она раздраженно уставилась на руль. Они мне врут, подумала Чарли. Я как маленький ребенок, от которого взрослые что-то скрывают. Решают за меня, что мне стоит и чего не стоит знать.

Она посмотрела на наручные часы – часы в машине либо отставали, либо торопились на час, она никак не могла запомнить. Оставалось минут двадцать до встречи с Джоном.

– Нельзя приходить раньше времени, – сказала она уверенно, – иначе он правда не поверит, что это я.

Пытаясь развеять плохое настроение, Чарли включила передачу и выехала с парковки.

Подойдя к ресторану, она увидела Джона в окно. Он был там же, где они сидели в прошлый раз, – в самом дальнем углу. Джон смотрел в пространство, словно глубоко задумавшись или полностью отключившись от реальности. Она прошла за хостес к его столику, и, кажется, только когда Чарли оказалась прямо перед ним, Джон осознал, что она пришла. Он тут же поспешно встал. Чарли подалась было к нему, но он снова сел, и она быстро отступила и последовала его примеру.

– Привет, – сказала она, неловко улыбаясь.

– Привет, Чарли, – ответил он тихо и вдруг широко улыбнулся. – Ты одета гораздо лучше, чем, когда мы были здесь в прошлый раз.

– Может, так кажется, потому что я не покрыта грязью и кровью, – ответила она непринужденно.

– Ну да.

Джон засмеялся, но на миг показалось, что он сделал вывод и поставил оценку. Это был тест. От этой мысли в животе похолодело. Она знала, что так оно и будет, но от знания было не легче видеть холодный расчет вместо обычной теплоты в его взгляде.

– Что там за фильм мы смотрели? – спросил Джон, как будто припоминая ответ. – В прошлый раз, когда я приезжал, мы ходили в кинотеатр на этой улице, верно? Прямо на языке вертится...

– «Зомби против зомби»! – ответила Чарли.

– Да, я помнил, что фильм был про зомби, – задумчиво сказал Джон.

– И чем ты занимаешься все это время? – спросила Чарли, пытаясь сменить тему. – Так на стройке и работаешь?

- Да, - сказал Джон и опустил взгляд. - А вообще, наверное, нет. Меня только что уволили.

- О, - выдохнула Чарли, - как жаль.

Он кивнул.

- Ну да. То есть я сам виноват. Опоздал... и другие проблемы были, но работа мне правда нравилась. Так или иначе, это была какая-то работа.

- Это же не единственная стройка, - сказала Чарли.

- Да, наверное.

Он посмотрел на нее испытующе, и она не отвела глаз, стараясь не ежиться под его пронизывающим взглядом. Поверь мне, взмолилась она молча. Что я должна сделать, чтобы ты мне поверил?

- Я скучала, - сказала она вместо этого.

- Я тоже, - отозвался он тихо, но она ясно видела, что это не вполне правда.

- Ты же знаешь, я уехала не из-за того, что... Не из-за тебя, - сказала Чарли. - Мне жаль, если создалось такое впечатление. Мне просто надо было сбежать от всего и от всех. Я...

- Вы готовы сделать заказ? - бодро спросила официантка.

Джон выпрямился и откашлялся. Чарли посмотрела в меню, радуясь, что их прервали, но фотографии блюд выглядели странно, как будто она только слышала описания этой еды, но никогда не видела ее своими глазами.

- Мисс? - официантка выжидающе смотрела на нее.

- Мне то же самое, - быстро сказала Чарли и закрыла меню.

Девушка нахмурила брови в замешательстве.

– А, да, хорошо. Полагаю, мне нужно сделать заказ, – со смехом сказал Джон.

– Мне без разницы, что угодно подойдет, – терпеливо сказала Чарли. – Я сейчас вернусь. Она торопливо встала из-за стола и направилась в туалет, оставив Джона разбираться с заказом.

В туалете на нее нахлынуло острое ощущение дежавю. Я уже здесь была. Запертая в ящике, я была заперта в ящике... Чарли захлопнула дверь и закрыла ее на замок. Я не в ловушке. Она провела пальцами по волосам, хотя с прической было все в порядке, и вымыла руки. Она просто пыталась убить время, хотя бы на минуту выскользнуть из-под пристального взгляда Джона. Каждый раз, когда он смотрел на нее так холодно и недоверчиво, она чувствовала себя незащищенной.

– Я – Чарли, – сказала она своему отражению в зеркале, вновь нервно разглаживая волосы. – Я не обязана убеждать Джона, что это я.

Слова прозвучали неубедительно. Кем же еще мне быть? Чарли снова вымыла руки, расправила плечи и вышла в зал ресторана. Она села и положила бумажную салфетку на колени, а потом посмотрела Джону прямо в глаза.

– Я так и не вспомнила, – резко сказала она в порыве упрямого отчаяния.

Джон поднял брови.

– Что?

– Я не помню, что ты сказал мне той ночью. Я знаю, это важно для тебя... И, может быть, поэтому ты думаешь обо мне то, что думаешь, но я просто... не помню. И ничего не могу с этим поделать.

– Ладно.

Он провел руками по столу и опустил их на колени.

- Если это так важно, почему ты просто мне не скажешь? - тихо спросила она.

И сразу поняла, что этого не стоило говорить. Джон помрачнел и немного отодвинулся от стола. Она посмотрела на салфетку у себя на коленях - оказалось, что она, сама того не замечая, разорвала край на тонкие полоски.

- Не страшно, - сказала она почти шепотом, когда прошло несколько длинных минут. - Забудь, что я об этом заговорила.

Она подняла взгляд, но Джон не ответил.

- Извини, я отлучусь на минутку. Сейчас вернусь, - он встал и вышел из-за стола.

Она уставилась на опустевший стул. Подошла официантка и попыталась привлечь ее внимание, прочистив горло. Чарли услышала, но не подняла головы. Как будто была на это неспособна. Как ужасно все получается. Может, остаться сидеть здесь навсегда? Стану статуей самой себя, памятником Чарли-из-прошлого. Чарли-которой-больше-никогда-не будет.

- Мисс? - спросила официантка с тревогой в голосе, и этого оказалось достаточно, чтобы Чарли, сделав титаническое усилие, повернула голову.

- Все в порядке, мисс? - спросила официантка, и у Чарли ушла еще одна долгая минута, чтобы понять вопрос.

- Да, - сказала она наконец. - Можно мне еще салфетку?

Она подняла первую, наполовину разодранную, как подтверждение своей потребности, и официантка отошла. Чарли повернулась к пустому стулу Джона.

Джон вернулся и сел, оказавшись на линии ее невидящего взгляда.

- Все в порядке? - спросил он.

Она кивнула.

– Официантка сейчас принесет мне другую салфетку, – Чарли показала куда-то в сторону, куда ушла официантка.

– Хорошо.

Он открыл рот, чтобы продолжить, но не успел заговорить, когда вернулась официантка с салфеткой для Чарли и с едой. Оба молчали, пока она ставила перед ними тарелки. Джон улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он.

Чарли посмотрела в тарелку – это была паста с каким-то соусом. Она осторожно взяла вилку, но не приступила к еде.

– Можно у тебя кое-что спросить? – наконец сказал Джон, и она с энтузиазмом закивала, положив вилку на стол. Он сделал глубокий вдох.

– Как ты выжила той ночью? Я... Было столько крови... – Он остановился, не в силах найти слова.

Чарли посмотрела на него, на знакомое лицо, которое почему-то смотрело на нее враждебно. Раньше она пыталась собрать для него связную историю, но на этот раз просто заговорила.

– Не знаю, – сказала она. – Я... не помню целый кусок, и когда пытаюсь думать о нем, мысли... уворачиваются, как будто натываются на что-то острое.

Пока она говорила, отчужденность во взгляде Джона постепенно уходила.

– Я уже попадала в костюм, – продолжила она. – Думаю, я каким-то образом поняла, как можно выбраться или, по крайней мере, какую позу нужно принять.

Она беспокойно посмотрела на него; его взгляд вновь похолодел.

– Но я так и не понимаю. Как у тебя получилось выбраться... без повреждений?

Он снова перевел взгляд вверх, а потом вниз, словно на осмотре.

У Чарли сперло дыхание. Она отвернулась от Джона и уставилась на парковку за окном.

– У меня не получилось, – сказала она сдавленным голосом.

Джон не ответил, пытаясь уловить в полупрофиле Чарли хотя бы какие-то знакомые – или незнакомые черты.

Она говорила абсолютно верные вещи с абсолютно верной интонацией, и от ее намеков – больше чем намеков – на неизбежную травму, которую она получила в ту ночь, у Джона все сжималось внутри.

Она смотрела куда-то в пространство, сжав зубы, словно переживая внутреннюю борьбу, и Джон почувствовал внезапное желание приблизиться, взять ее за руку и предложить помощь. Вместо этого он взял вилку и начал есть, глядя в свою тарелку, а не на Чарли.

Она знает, что я делаю, подумал он, мрачно работая челюстями. Она дает правильные ответы. Тот еще из меня детектив. Джон отправил вилку в рот и украдкой посмотрел на нее; Чарли все еще разглядывала парковку. Он проглотил еду и прочистил горло. Но тут она снова повернулась к нему и заговорила первой.

– После той ночи мне надо было уехать, – сказала она.

Ее голос звучал хрипло и лицо было напряжено, будто черты стали резче, чем раньше.

– Мне надо было бросить все, Джон. Абсолютно все. То, что случилось здесь, наложило тень на всю мою жизнь, а уж в последние пару лет... и даже раньше... В общем, это продолжалось всю жизнь.

Она подняла на него взгляд, а потом посмотрела в сторону, быстро моргая, как будто сдерживала слезы.

– Я хотела стать другим человеком. Иначе я бы просто сошла с ума. Я знаю, это клише – думать, что, поменяв одежду и прическу, ты изменишь свою жизнь, – сказала она с ироничной полуулыбкой и перекинула длинные волосы через плечо, – но я не могла навсегда остаться твоей Чарли, этой наивной маленькой девочкой, которая боится собственной тени, живет в тени. Честно говоря, я даже не понимаю, что ты видел в этой девочке – эгоистичной, рассеянной, жалкой.

Она произнесла последнее слово так язвительно, что почти затряслась, будто от судороги, и с таким презрением во взгляде, будто на нее накатила волна ненависти к прежней себе.

– Я никогда не видел в тебе ничего подобного, – тихо сказал Джон и опустил голову.

Он провел вилок по краю тарелки, не зная, что сказать. Потом заставил себя поднять взгляд. Лицо Чарли разгладилось, но теперь она казалась обеспокоенной.

– Но я все та же, – сказала она срывающимся голосом и пожала плечами.

Он не мог ей ответить, не знал, с чего начать. Чарли закусила губу.

– Все же ты так думаешь, да? – сказала она, чуть помедлив.

Джон заерзал на стуле от неловкости, но Чарли продолжала.

– Джон, пожалуйста, объясни – я не понимаю. Если ты думаешь, что я – это не я, то... кто же я? Кем ты вообще меня считаешь?

Она явно была растеряна, и Джон снова почувствовал, что колеблется.

– Я думаю... – он сделал движение рукой, словно хотел ухватить воздух, но не смог. – Чарли, после того, что я видел! – воскликнул он и резко прервался, вспомнив, что кругом люди.

Он огляделся по сторонам, но на них никто не смотрел: народу в ресторане было немного, но все были заняты. Посетители разговаривали со своими спутниками, а официанты – друг с другом.

– Я видел, как ты умерла, – сказал он, понизив голос. – Когда ты вошла в то кафе на следующий день, Чарли, я хотел поверить, что ты жива... я до сих пор хочу в это верить, но я... я видел, как ты умерла, – беспомощно закончил он.

Чарли медленно покачала головой.

– А я говорю тебе, что я жива. Почему тебе этого недостаточно? Если ты хочешь мне поверить, то почему не веришь?

Боль в ее голосе пробудила в нем острое чувство вины, но он спокойно встретил ее взгляд.

– Просто мне лучше знать правду, чем верить в то, что делает меня счастливым.

Чарли посмотрела на него испытующе.

– И какова же, на твой взгляд, правда? Кто... – Она сглотнула и начала снова. – Кто, по твоему мнению, такая я, если я – это не я?

Джон вздохнул.

– Я много думал об этом, – сказал он наконец. – Если честно, почти постоянно.

Чарли слабо кивнула, почти не двигая головой, как будто боясь его спугнуть.

– У меня было много мыслей, то есть... теорий... м-м...

– Каких, например?

– Ну... – Джон почувствовал, как горят щеки.

Не стоило с ней встречаться.

- Джон?

- Может... может, я подумал, что ты - Сэмми, - пробормотал он.

Она посмотрела на него непонимающе, как будто не расслышав, а потом ее глаза расширились от удивления.

- Сэмми нет в живых, - сказала она сдавленным голосом.

Джон перевел взгляд на потолок и сжал виски руками.

- Да, - ответил он и снова посмотрел ей в глаза. - Но, Чарли, пойми: у меня нет доказательств. И у тебя тоже. Что последнее... ты помнишь о Сэмми?

- Ты знаешь ответ, - сказала она тихим ровным голосом.

- Ты видела, как его похищают, - продолжил, помедлив, Джон. - Похищают, но не убивают. Это сделал Дэйв, то есть Эфтон - Капкан. А если его не убили? Если Уильям Эфтон воспитал Сэмми, научив своим трюкам? Если безумный убийца специально готовил ее, чтобы заменить Чарли после смерти? Кроме того, Сэмми - это сокращение и от Саманты. Про это я забыл. Может, Сэмми всю дорогу была девочкой.

Чарли сидела напротив, не двигаясь и как будто не дыша. Она подняла взгляд, и он прервался - Чарли засмеялась, почти маниакально, будто в любой момент могла сорваться на плач. Но Джон попытался робко улыбнуться в ответ.

- Ох, Джон, - сказала она наконец-то. - Я даже не... Ты понимаешь, что это бред?

- Разве мы не видели вещи и побредовее? - возразил он без особого жара.

- Джон, мы с тобой вместе ходили на могилу, помнишь?

Джон растерянно замялся, пытаясь осознать сказанное.

- Ты сам привел меня на могилу Сэмми.

- Я привел тебя на кладбище, но мы не видели ни могилу Сэмми, ни могилу твоего отца, - поправил ее Джон.

- Тогда сходи и поищи, - сказала Чарли терпеливо.

Джон почувствовал себя глупо.

- Тетя Джен предупреждала, что не стоит возвращаться в Харрикейн, - заключила она, глядя в стол. - И была права на все сто. Кстати, она с тобой не связывалась?

- Твоя тетя? - спросил Джон, озадаченный внезапной сменой темы. - Я думал, ты с ней живешь после того, как съехала от Джессики.

- Ага, - сказала Чарли.

- Так ты жила с ней?

- А ты ее видел?

- С какой стати я мог ее видеть? - медленно спросил Джон, внезапно ощутив, что теряет нить разговора.

Он видел Джен два раза в жизни: один раз в детстве и еще один - в ту ужасную ночь. Она корчилась в луже крови Чарли, за покореженным, сломанным костюмом Фредди. Но Чарли не знала ни про тот, ни про другой случай.

- Ты знаешь, я с ней даже незнаком, - сказал Джон, следя за мимикой Чарли.

Она выглядела задумчивой, и выражение ее лица не менялось.

- Просто я подумала, что она может с тобой связаться, - медленно сказала она.

- Хорошо. Сказать тебе, если это произойдет? - предложил Джон.

– Да, пожалуйста. Спасибо, – поблагодарила Чарли, кажется, лишь сейчас осознав его замешательство. – Я довольно давно ее не видела. В ту ночь она меня спасла. Взяла к себе, промыла раны, сделала все, чтобы я оправилась.

Она мимолетно улыбнулась, и Джон осторожно улыбнулся в ответ.

– Мне казалось, ты говорила, что совсем не помнишь эту ночь, – сказал он, стараясь избежать упрека в голосе.

– Я говорила, что не помню многих вещей. Но в целом знаю все по рассказу Джен. Если честно, первое, что я помню – как она будит меня на следующее утро и говорит, что надо надеть платье, которое она приготовила.

Чарли скорчила рожицу.

– Она всегда хотела, чтобы я была больше похожа на девушку. В общем, хорошо смеется тот, кто смеется последним. После того, как я пару раз чуть не умерла, страшно захотелось сменить стиль.

Джон улыбнулся, и она карикатурно похлопала ресницами.

Он невольно засмеялся.

– Думаешь, она может тебя искать? – Он помедлил, не зная, как сформулировать следующий вопрос. – Ты хочешь, чтобы она тебя нашла? – спросил он, наконец, и она пожала плечами.

– Я хотела бы знать, где она.

– Она не живет с тобой в одном доме? Когда же она уехала?

– Рано или поздно уезжают все, – сказала Чарли едким тоном, и Джон снова засмеялся, хотя и не так искренне.

Ты не ответила на мой вопрос.

Чарли посмотрела на часы: как и все, что на ней было, они выглядели миниатюрной и более женственной версией ее прежних часов.

– Через пятнадцать минут начинается отличный фильм про зомби, если я не путаю, – сказала она радостно. – Новый кинотеатр недалеко. Как думаешь, может, стоит сходить и проверить, работает ли старая формула?

Что это значит? Джон сдержал улыбку.

– Я не могу в кино, – сказал он с искренней неохотой. – Мне нужно кое-куда попасть.

– В другой раз? – спросила Чарли, и он кивнул.

– Да, наверное.

Подходя к машине, Джон заметил толпу у входа в новую пиццерию. Кажется, цирк нравится всем, подумал он. Джон подошел поближе, пытаясь рассмотреть, куда направилась Чарли, но ее не было видно. Вдруг, словно увидев спрятанные фигуры на картинке, Джон понял, что в толпе вокруг него тут и там попадаются клоуны с раскрашенными лицами, в просторных белых костюмах и с носами всех форм и размеров. Они были повсюду. Он попятился, споткнулся об огромный ботинок и чуть не упал на тротуар.

Выйдя из толпы, Джон сделал глубокий вдох и снова посмотрел на ресторан, в первый раз замечая транспарант, растянутый над главным входом. «Торжественное открытие! Приходи в костюме клоуна и ешь бесплатно!» – гласила надпись между двумя гигантскими клоунскими лицами. Он осмотрелся. Подходили новые люди, многие в костюмах, и Джон почувствовал, как волоски на загривке встали дыбом. Он оглянулся, но не увидел ничего зловещего, кроме клоунов. Джон заставил себя посмотреть на каждого в отдельности: люди оделись с разной степенью энтузиазма – у кого-то были комбинезоны сложного кроя, парики и гигантские ботинки, а кто-то просто раскрасил лицо и надел футболку в горошек. Но ощущение беспокойства не ушло.

Это просто люди в костюмах, урезонил он себя и резко хохотнул, напугав стоящую рядом женщину.

– Люди в костюмах. Ничего плохого они мне не делали, ага, – пробормотал он, удаляясь от сборища, чтобы найти машину.

По дороге домой Джон понял, что ему беспокойно: он дважды смотрел на спидометр и понимал, что опасно приблизился к ограничению скорости и даже не заметил. Он нервно постукивал по рулю, думая о завтрашнем дне.

И что теперь? Встреча с Чарли взбудоражила его больше, чем он думал. Много месяцев он ковырялся в одиночестве, вновь и вновь обдумывая дикие теории, и вот, наконец, его заставили проверить свои убеждения – задать ей вопросы, посмотреть, как она будет отвечать, и спросить себя в этот момент: Ты – она? Ты – моя Чарли?

Теперь, когда все закончилось, это казалось нереальным, словно сон, который не уходит слишком долго, не вписываясь в обыденный мир. Приближаясь к съезду на дорогу к дому, он ускорился и проехал мимо.

Джон припарковался в паре кварталов от дома Клэя Берка. Он вынул ключи из замка зажигания и нервно позвенел ими, потом решительно открыл дверь и вышел. В доме было темно, свет горел только в одном окне – наверное, в кабинете Клэя. Интересно, вернулся ли Карлтон в университет, подумал он, не зная, хочется ли ему, чтобы друг присутствовал или отсутствовал.

Он постучал и подождал, потом позвонил в дверь. После долгой паузы Клэй открыл дверь.

– Джон. Рад тебя видеть, – сказал он, кивнув, как будто не удивленный этим визитом. Он пропустил Джона в дверь и провел в кабинет.

– Хочешь кофе? – спросил он, указывая на кружку на столе.

– Поздновато, – сказал Джон. – Я тогда всю ночь не усну.

Клэй кивнул.

– Заменяю большее зло меньшим, – только и сказал он в ответ.

Джон оглядел комнату. В последний раз, когда он здесь был, они использовали стол, чтобы забаррикадироваться от армии разъяренных аниматроников.

– Вы починили дверь, – заметил он.

– Я починил дверь, – сказал Клэй. – Дуб. Укрепленный. С чем пожаловал?

– Я видел Чарли.

Клэй поднял брови, но ничего не сказал.

– Она сказала кое-что. Она спросила, не связывалась ли... – Джон остановился, охваченный внезапным чувством, что за ним наблюдают. Клэй склонил голову, как будто тоже что-то уловил.

– Все немного напряжены, потому что кругом расхаживают чудаки в клоунском гриме, – сказал он тихим голосом.

Он задернул занавески и вернулся к Джону.

– Присядь, – предложил он.

В комнате стоял комплект из двух кресел и дивана с темно-зеленой обивкой. Джон сел на диван. Клэй ухватился за спинку офисного стула, перекатил его по ковру поближе к Джону, и они оказались в паре метров друг от друга.

– О чем Чарли тебя спросила? – начал Клэй.

Джон снова посмотрел в окно. Он почувствовал, как оттуда исходят волны ужаса, заполняя комнату, словно невидимый туман. Клэй оглянулся, но лишь на секунду. Джон прочистил горло.

– Спросила про тетю Джен. Видел ли я ее. Я подумал – может, вы что-нибудь знаете? – закончил он неуверенно.

Клэй, казалось, был погружен в свои мысли, и на минуту Джон подумал, не надо ли повторить вопрос.

- Нет, - ответил Клэй наконец. - Чарли сказала, почему спрашивает?

Джон покачал головой.

- Только сказала, что хочет узнать, не связывалась ли Джен со мной.

Он тщательно строил фразу, как будто, если сказать нужные слова в нужном порядке, в голове Клэя откроется дверь, и это убедит его рассказать Джону, что он знает.

Клэй лишь задумчиво кивнул.

- Вы вообще с ней знакомы? - спросил Джон.

- Официально нас не представили, - сказал Клэй. - Думаю, она была чуть старше Генри.

Клэй на минуту затих и покрутил стакан, взболтав остатки кофе на дне.

- Когда Генри переехал сюда, он был вроде отшельника. Мы все знали, что он лишился ребенка, - Клэй тяжело вдохнул. - Джен жила с ними где-то год, и это она заботилась о девочке. Ни на секунду от Чарли не отходила. Думаю, Генри больше не доверял людям, и его трудно в этом винить.

- У меня всегда было ощущение... - Джон помедлил, снова подбирая слова. - Со слов Чарли у меня создалось впечатление, что Джен не слишком теплый человек.

- Ну, как я говорил, после таких вещей, - ответил Клэй, - меня удивило, что Джен взяла Чарли к себе, когда Генри умер.

- А что случилось с мамой Чарли? - спросил Джон нерешительно.

Ему было неловко допытываться, особенно в отсутствие Чарли. Как будто он сплетничал у нее за спиной.

– Ее мать сбежала до того, как они с отцом переехали в Харрикейн, – сказал Клэй. – Генри никогда не жаловался на жену. Скорее, вообще о ней не говорил, но однажды я спросил, что случилось, просто из любопытства. Может, это детектив во мне проснулся, но я не сдержался. Он долго думал, прежде чем ответить, потом посмотрел на меня печально и сказал: «Она не справилась бы с моей девочкой». Потом я обходил этот вопрос стороной. Ну, то есть я знаю, что они потеряли другого ребенка. И вроде как решил, что у матери был нервный срыв, или она просто поняла, что не сможет воспитывать дочь, очень похожую на сына, которого больше нет. Но, думаю, стоит отдать должное тете Джен. Чарли выросла что надо, – он улыбнулся и кивнул. – Странная немного, но хорошая девочка.

– Уникальная, это точно, – сказал Клэй.

– Значит, уникальная, – сухо повторил Джон.

Стены задрожали из-за сильного порыва ветра. Джон с тягостным чувством оглядел комнату и вдруг заметил в углу, между книжным шкафом и стеной, что-то знакомое.

– Это Элла? – спросил Джон, показывая пальцем.

Клэй, кажется, не понял вопроса, а потом уточнил.

– Кукла? Ее нашли в развалинах старого дома Чарли. Остальное увезли, но ее я оставил.

– Ее зовут Элла, – сообщил Джон. – Ее сделал отец Чарли. Она ездила по рельсам с чайным сервизом на подносе.

– Я спросил у Чарли, не хочет ли она ее забрать. Но у нее не возникло такого желания.

– Не возникло желания? – с тревогой повторил Джон.

Клэй рассеянно покачал головой.

- Трудно поверить, - сказал Джон удивленно, приподняв старую игрушку.

Клэй опять внимательно посмотрел на Джона.

- Ну, скажи ей, что она может забрать ее в любой момент.

- Скажу, - ответил Джон и поставил куклу на пол.

Клэй снова посмотрел в окно с озабоченным видом.

- Что-то случилось? - спросил Джон.

- Ничего.

Джон поднял брови.

- Вы уверены?

Клэй вздохнул.

- Сегодня похитили ребенка.

- Что?

- Маленькая девочка, пропала в какой-то момент между полуночью и шестью утра.

Клэй выглядел абсолютно бесстрастным. Джон попытался найти нужные слова, но не смог.

- Это второй случай за месяц, - тихо добавил Клэй.

- Ничего об этом не слышал, - сказал Джон.

Завыл ветер, и он снова бросил взгляд на окно, а потом перевел взгляд на Клэя и почувствовал, что над головой как будто повис сгусток страха.

– У вас есть версии? – спросил Джон первое, что пришло в голову. – Ну, я хочу сказать, здесь не в первый раз пропадают дети.

– Да, точно не в первый, – Клэй смотрел куда-то в пространство, как будто мог там что-то углядеть. – Но я не понимаю, какая здесь связь, ведь в тот момент пиццерии «Фредди» уже не было.

– Да, – согласился Джон. – То есть версии у вас нет?

– Я делаю все, что могу, – Клэй опустил голову и провел рукой по волосам, потом выпрямился. – Прошу прощения. Я сам не свой, как будто те дни опять вернулись: дети того же возраста, что и мой сын... что и ты, когда... их похищали одного за другим, и я не мог этого остановить.

– Майкл, – тихо сказал Джон.

– Майкл. И остальные. В мире, кажется, всегда хватает зла.

– Но на этот случай у нас есть вы, правда? – улыбнулся Джон.

Клэй фыркнул.

– Ага, хотел бы я, чтобы все было так просто.

– Вы сказали, пропало двое детей? – спросил Джон, снова направив взгляд туда, где в стену бились ветви деревьев.

Клэй встал, подошел к окну и как будто с вызовом широко распахнул его. Джон вздрогнул от резкого звука. Со своего места он видел, что Клэй вроде бы высматривает что-то за окном, притворяясь, словно дышит свежим воздухом.

Спустя минуту он втянул голову назад, закрыл окно и задернул занавески.

– Может, все не так плохо, как кажется сейчас, Джон. Как правило, у таких вещей есть обычные причины, и большинство детей так или иначе возвращается. Две недели назад был случай с маленьким мальчиком, Эдгаром, кажется. Два с половиной года.

– Что произошло?

– Его родители пытались оформить над ним опеку больше года. В итоге отец проиграл – ему разрешили видеться с ребенком только раз в месяц в присутствии других взрослых, и я могу сказать, что на это есть причины. И тут Эдгар исчезает – какой сюрприз. Его нашли через пять дней, живым и здоровым; внезапно отправился в автопоездку с отцом. Большинство похищений совершается одним из родителей.

– Думаете, здесь такое происходит? – скептически спросил Джон.

– Нет, – сразу ответил Клэй. – Нет, я так не думаю, – повторил он более серьезным тоном.

Он глубоко вдохнул и наклонился вперед.

– И делу не помогает то, что весь город одержим открытием нового ресторана и одевается в клоунские костюмы – полиция теряет время, контролируя толпу людей, а точнее, толпу клоунов.

– Я могу что-нибудь сделать? – спросил Джон, хотя представить не мог, как помочь в этой ситуации.

– Абсолютно ничего, – сказал Клэй. – Если я прав, то ты можешь помочь в другом. И мне понадобится... – Он остановился.

– Чарли, – сказал Джон. – Вам понадобится Чарли.

Клэй кивнул.

– Нечестно просить ее об этом, – сказал он. – После всего, что она пережила. Но я попрошу, если придется.

- Да, - сказал Джон.

Клэй снова смотрел куда-то в пространство между ними, и Джон вдруг почувствовал, что мешает ему.

- Уже поздно, - сказал он.

- Да, осторожнее там, - сказал Клэй, быстро поднимаясь с места. - Хочешь взять мой пистолет? - спросил он невзначай.

Он улыбался, но в лице было заметно напряжение, как будто он почти надеялся, что Джон возьмет оружие.

- Не пригодится, - улыбнулся Джон. - Вот мое оружие.

Он сжал кулак, пригрозил комнате и пошел к выходу.

- Хорошо, громила, скоро увидимся, - мрачно сказал Клэй.

Джон направился к машине. На улице было абсолютно темно - он и приехал в темноте, но только теперь это заметил. Фонарей было не так много, и озерца света под его ногами освещали улицу не далее пары метров. Он громко топал, как будто не мог ступать легче. Дальний шум шоссе был слишком слабым, чтобы заглушить его шаги, а ветер в этот момент затих, словно спрятавшись на время. Впереди появился какой-то силуэт, и Джон замер как вкопанный: по дороге шел еще один гуляка в карнавальном костюме, но что-то с ним было не так. Он направлялся в его сторону, размеренно шагая по дороге. Джон стоял между двумя тонкими деревцами, высаженными вдоль тротуара, не отводя глаз от странной фигуры.

Когда она приблизилась, у Джона внутри все похолодело: движения клоуна были женственными, но странными. Фигура двигалась как механическая игрушка, хотя и не лишенная грациозности. У него сперло дыхание. Клоунесса заскользила к нему словно привидение, глядя прямо перед собой. Джон подождал в надежде, что не попадетсся ей на глаза. Однако, приблизившись, она перевела на него взгляд, слегка повернув голову - как будто приветствуя

мимоходом.

Джон посмотрел на нее в ответ и вначале восхитился гладкой и продуманной красотой лица, разделенного напополам с помощью хитрого грима. Он инстинктивно отступил, потому что уже видел монстров в своей жизни, – и приготовился бежать или, при необходимости, драться.

Но как только сердце глухо забилося в груди, она снова отвернулась и ускользнула в темноту так же изящно, как и появилась. Джон какое-то время смотрел ей вслед, а потом продолжил путь к машине. Он взглянул в зеркало заднего вида, но никого не увидел. На пути домой он заглядывал в него чаще, чем было необходимо. Мысли возвращались к сияющим пронзительным глазам клоунессы: она смотрела на него так, словно была с ним знакома.

– Расслабься, – сказал Джон пустой машине. – Подумаешь, какая-то чудачка в костюме.

Но слова, произнесенные вслух, не стали от этого убедительнее.

Клэй вернулся в кабинет и остановился у окна, немного раздвинув занавески, желая убедиться, что Джон завернул за угол и больше не виден. Потом он вздохнул, сел за стол, взял папку с делом второго пропавшего ребенка и стал пересматривать материалы. Там точно не было нужной информации, но это не мешало вновь и вновь переверачивать страницы. Его сотрудники тщательно выполнили свою работу: они сходили в нужные места, поговорили с нужными людьми и задали абсолютно неверные вопросы. Они просто не знают того, что знаю я.

Из коридора слышался звук, что-то скрипнуло. Клэй поднял глаза и осторожно положил папку на стол.

– Джон? – позвал он, но никто не ответил.

С привычным спокойствием Клэй тихо нащупал пистолет, который держал в кобуре под письменным столом, и снял его с предохранителя. Потом подошел к открытой двери кабинета и помедлил, прислушиваясь к шумам из темного коридора. Ничего не было слышно. Клэй закрыл дверь и защелкнул задвижки.

Он отступил к центру комнаты и прислушался. Сначала все было тихо, и он опустил глаза и расслабил плечи, но вдруг резко вскинулся и сжал зубы. Он шагнул назад, глядя ровно в центр двери, навел на него пистолет и прицелился. Прошло несколько минут, но Клэй не отводил взгляда. В коридоре кто-то был.

* * *

Джон услышал, как входная дверь захлопнулась с тяжелым буханьем, и бросил ключи на стол на кухне. Он тяжело плюхнулся на диван и положил голову на спинку, изнемогая от усталости. Но спустя короткое время он снова поднял голову: из спальни опять доносился странный шум. Он походил на тихие звуки, которые раньше издавала кроличья голова, но что-то изменилось – непонятно, что именно. Вроде бы звучал голос, потом радиопомехи, потом голос, потом опять помехи. Повторялся один и тот же цикл.

Дверь в спальню Джона была почти закрыта. Он встал с дивана и медленно подошел к ней сбоку, тихо переступая ногами, как будто резиновые подошвы почти не касались пола. Он приоткрыл дверь: теперь звук был громче и отчетливее. Голос продолжал звучать, искаженный и невнятный. Джон включил свет и подошел к голове. Он опустил голову, чтобы его глаза оказались на одном уровне с пластиковыми глазами Теодора, и прислушался. Кроличья голова уставилась на него в ответ, пробормотала слова, перешла на треск статики, а потом начала сначала. Джон взял тетрадь и ручку с кровати, закрыл глаза и сосредоточился на звуках.

Спустя минуту он начал различать слова.

– Яркая, – прошептал Джон. – Яркая... что? Серебряная?

Он продолжил слушать, но не смог разобрать остальное. Джон стиснул зубы, открыл глаза и впился взглядом в кроличью голову, которая продолжала повторять все ту же бессвязную фразу. Джон глубоко вдохнул и выдохнул, стараясь сбросить напряжение в шее, челюстях и спине. Он сел на кровать, положил бумагу и ручку и снова закрыл глаза. Просто прислушайся. Звуки повторялись снова и снова. И вдруг стали понятными, как слова песни при тысячном прослушивании: Джон понял.

– Яркая звезда, Серебряный Риф, – повторил Теодор.

Джон снова встал, приложил ухо к носу Теодора и постарался убедиться, что услышал верно.

– Яркая звезда, Серебряный Риф, – кролик продолжил речитатив.

Джон бросился назад к машине.

Въехав на подъездную дорогу к дому Клэя, Джон резко остановился: входная дверь была распахнута настежь, и свет лился из дома во двор. Он взбежал по ступенькам и позвал хозяина.

– Клэй! Клэй, вы здесь? – он бросился внутрь, крича на ходу, и рванул к кабинету Клэя, который был в двух шагах от прихожей.

– Клэй!

Джон упал на колени рядом с Клэем. Тот лежал на полу, кровь залила ему пол-лица и лужей растекалась под головой. Глаза были закрыты. Джон схватил его запястье и прижал пальцы к венам, надеясь нащупать пульс: через несколько лихорадочных секунд у него получилось, и он испытал огромное облегчение, но ненадолго.

– Клэй? – повторил Джон и легко потряс его.

Клэй не ответил. Джон с тревогой осмотрелся. Новая дверь, которую Клэй описал как «укрепленную», была разнесена на куски. То, что от нее осталось, еще висело на верхней петле. Джон торопливо оттащил Клэя в холл настолько далеко, насколько мог.

Он оглядел кабинет: стул был перевернут, и все, стоявшее на столе, высыпалось на ковер. Он похлопал Клэя по плечу.

– Все будет хорошо, – сказал он хрипло, подошел к стационарному телефону и набрал 911.

В ожидании оператора он нервно смотрел на уничтоженную дверь. Через проем ворвался порыв ветра и унесся в открытое окно, забирая с собой ужас случившегося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/brid-raysli_skott/pyat-nochey-u-freddi-chetvertyu-shkaf

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)